

РАЗБОРЪ

МНѢНІЙ О КАТОЛИЧЕСТВѢ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

(X—XV в.).

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Свящ. А. Синайскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Акціонернаго Общества „Издатель".
Ковенскій переулокъ, д. № 14.
1899.

Отъ Спб. Дух. Ценз. Комитета печатать дозволяется. Спб., 30 Марта 1899 г.
Цензоръ Архимандритъ *Порфирій.*

РАЗБОРЪ

мнѣній о католичествѣ древней Россіи (X—XV в.) [1].

Существуетъ между нѣкоторыми католическими учеными, публицистами и миссіонерами, взглядъ, состоящій въ томъ, что будто бы древняя Россія сначала приняла, вмѣсто и послѣ язычества, латинское католическое вѣроисповѣданіе, но впослѣдствіи измѣнила ему, принявши отъ грековъ, послѣ окончательнаго раздѣленія церквей въ XI в., греко-восточное православіе. Появившись и распространившись въ XVII в., мнѣніе о католичествѣ древнѣйшей Россіи обязано своимъ происхожденіемъ стремленію латинскихъ миссіонеровъ и ревностныхъ не по разуму поборниковъ папства доказать путемъ искаженія исторіи раннѣйшіе успѣхи католицизма въ предѣлахъ Юго-Западной Россіи среди русскихъ и облегчить дѣло обращенія послѣднихъ или въ настоящихъ католиковъ, или подготовить ихъ къ тому *посредствомъ* уніи, т. е. постепенно убѣждая ихъ въ превосходствѣ и спасительности латинскаго ученія и обрядности предъ православною вѣрою.

Несостоятельность мнѣнія о католичествѣ древней Россіи довольно обстоятельно доказана еще въ прошломъ, XVIII столѣтіи, между прочимъ, извѣстнымъ защитникомъ и борцомъ за православіе, преосвященнымъ Георгіемъ Конисскимъ († 1795 г.). Въ предисловіи къ своему краткому, но очень обстоятельному трактату, основанному на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, преосв. Конисскій объясняетъ самыя побуж-

[1]) Настоящій очеркъ составляетъ дополнительную и заключительную часть напечатаннаго въ январѣ 1899 г. нашего сочиненія „Объ отношеніяхъ и взглядахъ древне-русской церкви и древне-русскаго общества къ католическому латинскому западу“.

денія къ возникновенію мнѣнія о мнимомъ католичествѣ древней Госсіи, неизвѣстнаго до 1595 г. (начало уніи). По взгляду автора „записки“, Россія отъ самого основанія своего всегда была чужда всякаго мнѣнія и постановленія, образовавшагося въ Римѣ послѣ раздѣленія церквей. Но римскіе первосященники не теряли надежды обратить православную Русь въ латинство и непрестанно тревожили ее то послами, то грамотами, то подарками (?.), то обѣщаніями, то похвалами; наконецъ, когда всѣ усилія къ обращенію ея остались тщетными, рѣшились записать Россію, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, своею: мало по-малу стали вносить русскихъ святыхъ въ свои святцы; такъ явились наряду съ Францисками, Людовиками, Піями наши — Антоній, Владиміръ, Ольга, Сергій Радонежскій, а въ 1720 году на Замостьскомъ соборѣ опредѣлено торжественно праздновать память св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба, убіенныхъ будто-бы за римско-католическую вѣру. Усерднѣе и искуснѣе всѣхъ обрабатывали это дѣло іезуиты. По мнѣнію проф. Ж. Губера, автора (только-что появившагося) капитальнаго труда объ іезуитахъ, послѣдніе положительно были неспособны писать историческіе трактаты, проникнутые любовію къ истинѣ; іезуиты не ограничивались точнымъ воспроизведеніемъ прошлаго, а совершали подлоги, умалчивали обо многомъ, что было имъ неудобно, и придавали событіямъ извѣстную политическую окраску; общество іезуитовъ не только позволяло себѣ подлоги и искаженіе исторіи, но и отрицало самые достовѣрные историческіе документы и замѣняло ихъ новыми, собственной фабрикаціи“ [1]). Что іезуиты дѣлали въ странахъ католическихъ и протестантскихъ въ Европѣ, то они еще свободнѣе и безнаказаннѣе позволяли себѣ въ Юго-Западной Россіи и Польшѣ, куда они прибыли по приглашенію кардинала Гозіуса, возлагавшаго на нихъ большія надежды въ борьбѣ съ распространеніемъ реформаціи и православія. Когда они, въ XVI в., вторглись съ своею проповѣдью въ

---

[1]) Губеръ. Іезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Переводъ В. Петровой. Спб. 1899 г. Стр. 232—3.

предѣлы Юго-Западной Россіи, имъ нужно было для успѣха, ad gloriam majorem Dei разгласить и доказывать то, что Русь издавна была вся католическою и что она въ схизмѣ (расколѣ) очень недавно. И какъ нѣтъ лже-ученія, которое не имѣло-бы своихъ послѣдователей, то повѣрили и іезуитамъ. Съ нѣкотораго времени стали почти по всей Европѣ писать и печатать, что русскіе до XV столѣтія были уніатами".

По высказанному въ 1847 году мнѣнію м. Макарія (Булгакова), автора „Истор. рус. церкви", весь трактатъ (записка) преосв. Г. Конисскаго, изложенный въ разговорной формѣ между католикомъ и православнымъ, написанъ такъ основательно, что нѣтъ надобности (повидимому, нужно бы прибавить) кому либо писать отдѣльное сочиненіе противъ вымысла о католичествѣ дневней Россіи. Но такъ какъ мнѣніе о католичествѣ Руси продолжало упорно держаться, вызвавши на защиту свою обширныя изслѣдованія, обставленныя всѣми внѣшними признаками учености, то нашимъ отечественнымъ духовнымъ писателямъ нельзя было довольствоваться краткою и не обработанною въ частности запискою; въ 1859 г. и 1867 г. явились основательныя и обширныя сочиненія, доказавшія полную несостоятельность и тенденціозность мнимаго католичества древней Россіи: первое ислѣдованіе принадлежитъ достопамятномум. Макарію; оно написано въ опроверженіе книги Вердье: католическое начало русской церкви до XII в. (французское изданіе, до сихъ поръ, кажется, не переведено съ французскаго на русскій языкъ); второй трудъ принадлежитъ (покойному) проф. к. д. академіи, Ив. Малышевскому; какъ знатокъ и спиціалистъ исторіи Юго-Западной Россіи, Малышевскій доказалъ полную несостоятельность вымышленной миссіи одного католическаго миссіонера, о. Гіацинта Одровонжа, прозваннаго апостоломъ земли русской за успѣшное насажденіе и распространеніе латинства въ Россіи въ половинѣ XIII в. [1]).

---

[1]) См. Христ. Чт. 1859 г. Труд. К. акад. 1867 г. 1и 874 г. Отдѣльныхъ изданій не было.

Указанные труды преосвящен. Макарія и проф. Малышевскаго настолько обстоятельны и полны, что весьма трудно прибавить что либо важное; поэтому мы имъ главнымъ образомъ и пользовались при разборѣ имѣній о католичествѣ древней Россіи; но такъ какъ названныя изслѣдованія отличаются болѣе критическимъ, отрицательнымъ характеромъ, а не положительнымъ раскрытіемъ вопроса объ отношеніи русскихъ къ католичеству, или латинству, то для большей полноты и цѣльности нашего очерка сочли нужнымъ и цѣлесообразнымъ предпослать критическому разбору вопроса краткую характеристику бывшихъ отношеній и взглядовъ древнерусскихъ людей къ латинскому западу, т. е. католичеству; при изложеніи историко-фактической стороны дѣла, яснѣе представляется слабость вымысла и тенденціозность намѣреній.

I.

Краткая характеристика взглядовъ и отношеній древней Россіи къ латинскому западу, или католичеству.

Отношенія древней Руси, т. е. Церкви и общества, къ латинскому католическому западу отличались нерасположенностью и отчужденностью. Относясь сочувственно и единодушно къ православному востоку по дѣламъ церковнымъ, древнѣйшая Русь держала себя замкнуто, уклончиво, необщительно и подозрительно къ латинскому западу, къ послѣдователямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Степень этой отчужденности соотвѣтствовала силѣ стремительности и открытой навязчивости, какою отличалась Церковь Римская въ отношеніи къ Русской, такъ что отношенія Церкви Русской къ Риму и ко всему тому, что извѣстно подъ общимъ именемъ латинства (или „папежества“, какъ выражались лѣтописцы [1]) можно назвать противоположными въ сравненіи съ ея отношеніями въ Церкви Греческой.

---

[1]) Полн. соб. р. лѣт. 6, 167, 169.

Отношенія древне-русской Церкви къ латинству сложились подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ. Однимъ изъ внѣшнихъ факторовъ было продолжительное, постоянное и сильное вліяніе греческой Церкви; такъ какъ въ теченіе древнѣйшаго періода (988—1500) Русская Церковь была одною изъ епископій византійскаго патріарха, то уже a priori можно заключать о взаимныхъ отношеніяхъ Русской Церкви къ Греческой, т. е. Русская Церковь относилась къ Греческой, какъ церковь подчиненная, какъ часть къ цѣлому [1]). Словомъ—первая должна была жить по мыслямъ, распоряженіямъ и расположеніямъ Церкви греческой. Возымѣвъ сильное вліяніе надъ Русскою Церковью, Греческая Церковь постаралась передать ей свои взгляды, симпатіи и антипатіи.

Грекамъ, отъ которыхъ Русская Церковь находилось не только въ іерархической, но и въ нравственной зависимости, было чѣмъ подѣлиться съ еще молодою, довѣрчивою и воспріимчивою Русскою Церковію относительно Латинской Церкви и всего латинства. Если и въ настоящее время вѣроисповѣдныя разности имѣютъ значеніе во взаимныхъ отношеніяхъ обществъ и частныхъ лицъ, то это значеніе было весьма сильно, могущественно тогда, когда вся цивилизація опредѣлялась религіею и состояла по преимуществу изъ религіозныхъ элементовъ, когда религія тѣсно связывалась и почти не отдѣлялась отъ національности. Съ IX в., когда Греческая Церковь энергически боролась какъ за самостоятельность собственную, такъ и за національную, латиняне въ глазахъ грековъ сдѣлались заклятыми непримиримыми врагами. Пользуясь значеніемъ на Руси, греки считали своимъ долгомъ распространять и утверждать свои понятія о латинянахъ въ средѣ русскихъ. Русской Церкви оставалось принимать и настраиваться тѣмъ, что она слышала отъ своихъ руководителей.

Будучи подъ вліяніемъ греческой Церкви, Русская Церковь уже a priori составляла себѣ представленіе о латинствѣ. По разсказамъ и источникамъ греческимъ, она знала, что

---

[1]) Ист. р. ц. Мак. I. i. Historic Rus. mon. Turgen. I. III.

ученіе латинянъ развращено, и что сами латиняне народъ негодный. Русская Церковь не только приняла это представленіе о латинствѣ въ первое время, но и удержала такой взглядъ надолго. Такая устойчивость и продолжительность установившагося взгляда на латинство достаточно объясняется, съ одной стороны, общими условіями существованія развитія Русской Церкви, какъ церкви національной, съ другой — историческимъ ея состояніемъ въ указанный періодъ времени. Русская Церковь была національною. Національность ея состоитъ въ томъ, что она уживалась со всякимъ мірскимъ порядкомъ, всегда проповѣдывала покорность всякой власти, старалась своимъ авторитетомъ поддержать свѣтскую власть тамъ, гдѣ послѣдняя могла предусматривать и испытывать препятствія въ достиженіи своихъ плановъ. Національность ея состоитъ въ томъ, что она не проводила, ни теоретически, ни практически, рѣзкой границы между собою и народомъ, стремилась обобщить свои интересы съ государственными, народными. Не задаваясь принципомъ господства надъ государствомъ, Русская Церковь становится наравнѣ и согласно съ другими сторонами общественной жизни. Наше духовенство, хотя вначалѣ и иноземное, не составляло касты; христіанская вѣра, принятая Русью добровольно, стала вѣрою національною, народною. Духовенство, въ смыслѣ служителя вѣры, должно было сдѣлаться и сдѣлалось національнымъ; наше духовенство не имѣло въ Византіи спеціальныхъ и конечныхъ интересовъ, каковые западное духовенство имѣло только въ Римѣ. Отсюда въ дѣлахъ церковныхъ въ древней Руси проходитъ начало національное, то въ формѣ власти князя, то въ формѣ воли народа. Не въ духѣ Русской Церкви было то, что замѣтно въ западной, гдѣ всякое стремленіе націи къ самостоятельности, заявленіе національной особенности въ дѣлахъ и устройствѣ Церкви подавлялось силою и вліяніемъ непогрѣшимаго авторитета папъ. Весь строй римской жизни, выработанный римскимъ обществомъ, всѣцѣло предполагался быть приложеннымъ и прилагался къ націи французской, германской и т. д. Каждому вновь обращенному (въ христіанство) обществу приходилось повторять въ своей церковной жизни то, что было выработано римскою

церковною общиною; эта церковь такъ заботилась о своихъ духовныхъ чадахъ, что самимъ имъ не давала мѣста и времени подумать объ устройствѣ своей собственной церковной жизни. Не такова была церковь древне-русская. Передавая своему народу христіанское ученіе, она, по примѣру своей alma mater, не оставляла, конечно, своихъ пасомыхъ на произволъ судьбы, но она не исключала участія въ дѣлахъ Церкви того общества, о воспитаніи и устроеніи котораго призвана была заботиться; Церковь сознавала, что она учрежденіе, явившееся по желанію князя и народа, и для того и для другого; правда, чрезъ это интересы ея суживались, но зато въ согласіи съ княземъ и симпатіями народа заключалась ея сила. Такимъ образомъ, Русская Церковь срослась съ государствомъ, какъ его учрежденіе. Этимъ самымъ она отличается отъ Церкви католической, или латинской, которая, будучи учрежденіемъ всемірнымъ, и имѣла самостоятельную власть внѣ государства, а потому она была чѣмъ-то недостижимымъ, учрежденіемъ, противорѣчащимъ мѣстнымъ національнымъ условіямъ и интересамъ. Русская Церковь характерно выражаетъ національныя типическія черты русскаго народа. Насколько романское племя было стремительно, настолько славянское отличалось осторожностью. Русская народность характеризируется чертами, противоположными романскому племени. Подвижности, потребности къ перемѣнамъ и стремительности къ господству и внѣшней дѣятельности—чертамъ, свойственнымъ романскому племени болѣе, чѣмъ кому-либо другому, можно противопоставить медленность и нерасположность къ измѣненію стараго и сравнительно большую наклонность къ мирнымъ занятіямъ и домашней, семейной жизни — свойства, принадлежащія русской народности, какъ вѣтви славянскаго племени, съ которымъ русскій народъ имѣлъ тѣсную племенную и культуро-историческую связь.

Принятіе христіанства двумя этими племенами изъ различныхъ центровъ усилило племенную ихъ разность, придавъ ей болѣе опредѣленный, активный характеръ. Христіанское ученіе, какъ ученіе о мирѣ и свободномъ внутреннемъ развитіи, воспринятое славянствомъ, гармонически слилось съ

съ типическими чертами послѣдняго. Западное христіанство, или латинство, понятое римскою церковью въ смыслѣ внѣшняго господства, подавленія народности и стѣсненія человѣка въ его свободномъ принятіи и усвоеніи христіанства, совпадало съ естественными наклонностями романства. Такое глубокое различіе между славянскимъ и романскимъ племенами сознательно или безсознательно выражалось исторически ихъ взаимнымъ антогонизмомъ. Племенныя особенности, сильныя еще и въ настоящее время, не могли не имѣть огромнаго значенія въ образованіи отношеній древне-русской Церкви, какъ Церкви національной, къ латинству въ то время, когда къ племеннымъ отличіямъ, самимъ по себѣ сильнымъ, присоединились вѣроисповѣдныя различія, имѣющія большое значеніе тогда, когда бываетъ низокъ или одностороненъ уровень культуры, когда послѣдняя состоитъ и опредѣляется религіею или извѣстнымъ направленіемъ Церкви. На этой ступени развитія нѣтъ сильнѣе вражды, какъ вражда религіозная; хотя бы уже ослабѣла религія въ сердцѣ, но начавшаяся борьба за религію долго продолжается. Такимъ образомъ, древне-русская Церковь, какъ выразительница настроенія всѣхъ вѣрующихъ русскихъ, въ своихъ отношеніяхъ къ латинству, проявила національную отчужденность къ латинству.

Но исключительностію и отчужденностію еще не вполнѣ хактеризуется отношеніе древне-русской Церкви къ латинству. Дѣло въ томъ, что это отчужденіе отъ латинства доходило до раздражительности и тайнаго или явнаго нерасположенія къ тому, что носило на себѣ слѣды латинства. Откуда, спрашивается, происходила эта непріязненность къ латинству, очень сильная въ древне-русской Церкви?

По отношенію къ древне-русской Церкви латинство можетъ быть разсматриваемо съ теоретической и исторической стороны: подъ первою разумѣемъ типическія свойства средневѣкового папства, несостоятельныя съ общехристіанской точки зрѣнія и точки зрѣнія здраваго смысла; разумѣемъ тѣ учрежденія и стремленія папства, которыя были навязываемы европейскому обществу и которыми послѣднее тяготилось и протестовало то со стороны императорской власти, то частныхъ интеллигентныхъ и смѣлыхъ личностей; отдѣленіе папства

отъ греко-восточной Церкви сопровождалось нерасположенiемъ къ послѣдней и самовольнымъ отношенiемъ къ частнымъ романскимъ церквамъ и обществамъ. Слѣды нерасположенiя папства къ Восточной Церкви доказываются неопровержимыми и многочисленными фактами, свидѣтельствами не только греческихъ, но и латинскихъ писателей. Дѣйствiя папства въ средневѣковой исторiи составляютъ издавна печальную страницу изъ исторiи Западной Европы. Стараясь осуществить созданное понятiе о своемъ исключительномъ достоинствѣ, папы, вмѣстѣ съ принятiемъ догматическихъ, каноническихъ и обрядовыхъ нововведенiй, стали присвоивать себѣ болѣе и болѣе власти, вмѣшиваться въ государственныя дѣла и народныя отношенiя. Управленiе зависѣвшими отъ папы епископами и епархiями по феодальному образцу, провозглашенiе папами неподсудности не только своего лица, но и мѣстной Римской церкви, какъ своей епархiи, повело къ признанiю папъ какъ бы императорами, а ихъ епископовъ — вассалами; съ тѣмъ вмѣстѣ въ правахъ духовенства отразилось своеволiе имперскихъ вассаловъ, тѣмъ болѣе, что многiе епископы обладали недвижимыми имуществами, равнявшимися своею огромностью герцогствамъ и курфюршествамъ. Возрастанiе церковныхъ имѣнiй на Западѣ соединялось съ изъятiемъ отъ несенiя общественныхъ повинностей; такъ какъ это было весьма обременительно для государства, то свѣтскiе правители пытались ограничить права духовенства, но попытки эти вызывали борьбу со стороны папъ; со времени Гильдебранда († 1085 г.) и по примѣру его, папы, для достиженiя своихъ цѣлей, усвоили обычай предавать анаѳемѣ непокорныхъ государей, отлучать отъ общенiя съ Церковью цѣлые народы. Важныя распоряженiя папъ какъ по своему принципу, такъ и по слѣдствiямъ обязаны своимъ происхожденiемъ честолюбивымъ и коростнымъ разсчетамъ; сюда относятся: безбрачiе духовенства и дозволенiе всякому подсудимому переносить свое дѣло въ Римъ на окончательное рѣшенiе, требованiе отъ народовъ податей подъ разными наименованiями — аннатъ, петинарiй, динарiя св. Петра, эксплоатацiя религiозныхъ чувствъ католиковъ посредствомъ продажи индульгенцiй и проч. Если все это порицалось въ средѣ послѣдователей

католичества, то у противниковъ его — еще болѣе. А такъ какъ противники католичества были греки, изъ которыхъ не мало было въ Россіи митрополитовъ, путешественниковъ и служилыхъ лицъ, то состояніе и направленіе латинства въ общемъ было болѣе или менѣе извѣстно лучшимъ русскимъ людямъ. Направленіе латинства, несогласное съ христіанствомъ и тягостное для общества, русскіе могли видѣть и испытывать на окраинахъ собственнаго отечества.

Подчинить Русскую Церковь и господствовать надъ нею по своему усмотрѣнію (per sua sponte) было завѣтнымъ желаніемъ политики Римской Церкви. Поэтому папы очень рано, еще до Владиміра святого, начали обнаруживать свои виды на Россію и употребляли всѣ возможныя средства: и лесть, и угрозы, и насилія, чтобы привести Русскую Церковь въ послушаніе къ себѣ. Но такъ какъ эти попытки были вообще неудачны, такъ какъ случайные успѣхи стоили дорого, то латинскіе миссіонеры, послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ въ Россіи подѣйствовать силою убѣжденія, прибѣгали къ обычному способу дѣйствовать силою принужденія, хитрости и обмана, оправдывая средства цѣлію. Вотъ источникъ, откуда проистекала народная ненависть къ римской пропагандѣ: 1) эгоистическій прозелитизмъ и 2) безцеремонность въ способѣ достиженія цѣли были источникомъ и причиной недовѣрчивости и ненависти къ латинскимъ миссіонерамъ. Изъ того же источника объясняются антипатія и раздражительность, которыми проникнуты нерѣдко взгляды и отношенія древне-русской Церкви къ латинству; Русской Церкви не безъизвѣстны были какъ сильное стремленіе латинской Церкви подчинить себѣ Русь [1]), такъ и тѣ пути и средства, какими отличалась латинская пропаганда въ другихъ мѣстахъ и какія думала приложить и употребить по отношенію къ Россіи [2]). Попытки, направленныя папами на Русскую Церковь, были усилены, часты и навязчивы. Въ посланіи къ русскому народу, въ 1204 г., Иннокентій III настоятельно убѣждаетъ

[1]) Ист. р. цер. Мак., II, 282. Памят. рос. слов. XII в. Калайд. 163. Труд. Кіев. Дух. Акад., 1867 г., 2, 25—50.

[2]) Ист. р. цер. Мак., II, 282. Памят. рос. слов. XII в. Калайд. 163. Труд. Кіев. Дух. Акад., 1867 г., 2, 25—50.

всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ возвратиться отъ заблужденія на путь истины, отъ котораго упорно уклоняются. „Церковь едина, власть надъ Церковью вручена апостолу Петру, котораго преемникъ я“. Указывая на взятіе Константинополя (сопровождавшееся неслыханнымъ поруганіемъ святыни) крестоносцами, Иннокентій говоритъ: „Греческая имперія и почти вся греческая Церковь возвратилась (sic!) къ почитанію Апостольскаго престола и смиренно пріемлетъ его повелѣнія. Вы — часть Греческой Церкви: не странно ли то, что часть будетъ разногласить съ цѣлымъ и что одинъ членъ будетъ отдѣляться отъ всего тѣла?“ Посланіе вручалось нѣкоему Vitalis'у, на котораго была возложена обязанность, по приведеніи заблудшей дочери къ ея матери, искоренять и разрушать, строить и созидать, что найдетъ стоящимъ того [1]). Въ посланіи ad universos reges Rossiae папы Гонорія III (1227), служащемъ будто бы отвѣтомъ на просьбу русскихъ имѣть дѣло съ папою, говорится, что русскіе готовы отказаться отъ всѣхъ заблужденій, въ которыя впали [2]). Между тѣмъ оказывается, что русскіе вовсе не думали о какихъ бы то ни было сношеніяхъ. Вступая въ сношенія съ православными, съ цѣлью привлечь ихъ къ себѣ, папы часто основываются на слухахъ или отдаленныхъ поводахъ. Латинскіе миссіонеры оставляли глубокіе слѣды тамъ, гдѣ они подвизались, обращая пограничное православно-русское населеніе въ латинство [3]). Объявивъ всепрощеніе и вѣчное блаженство всякому, кто подъ знаменемъ креста будетъ лить кровь человѣческую, папы внесли огонь и мечъ по Россіи — въ Чудь и Ливонію, гдѣ выполняли дѣло проповѣди меченосцы и шведы. Междоусобія за великокняжескій престолъ отвлекали вниманіе русскихъ Князей отъ пограничныхъ русскихъ областей, а потому папы, возымѣвъ нѣкоторые успѣхи на сѣверѣ Россіи и въ Галиціи, заявили свои виды и на всю Русь. „Не

---

[1]) Икос. р. цер. Мак., II, 282. Память. рос. слов. XII в. Калайд. 163. Труд. Кіев. Дух. Акад., 1867 г., 2, 25—50.

[2]) Икос. р. цер. Мак., II, 282. Память. рос. слов., XII в. Калайд. 163. Труд. Кіев. Дух. Акад., 1867 г., 2, 25—50.

[3]) Лекц. по Истор. Запад. Рос., 93—96 (изд. газеты „День“, 1864 г., Москва).

заблужденія ли въ вѣрѣ раздражаютъ противъ васъ небо и причиняютъ бѣдствія всей странѣ вашей?" — писалъ папа Гонорій III ко всѣмъ князьямъ нашимъ. — „Бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ истинѣ". Для большаго успѣха въ исполненіи своихъ намѣреній, папы, въ началѣ XIII ст., повелѣвали ливонскимъ судьямъ преслѣдовать русскихъ, которые, живя въ Ливоніи, оказывали пренебреженіе къ латинскому обряду, — даже обязывали ливонскихъ судей принуждать силою русскихъ подчиняться римской Церкви [1]. Римская Церковь, отъ имени которой дѣйствовали латинскіе миссіонеры въ предѣлахъ Россіи, употребляла всевозможныя законныя и больше незаконныя, прямыя и косвенныя мѣры къ тому, чтобы совратить славяноруссовъ изъ православія къ латинству. Гдѣ было возможно, тамъ Римская Церковь прямо и насильственно запрещала славянское богослуженіе и искореняла славянскіе обряды, несмотря на ропотъ народный. Тамъ же, гдѣ этого нельзя было сдѣлать, папская политика дѣйствовала постепенно и осторожно: православнымъ на первыхъ порахъ дозволялось сохранять свое богослуженіе и любимые православные обряды, потомъ мало по малу славянскія богослужебныя книги передѣлывались по духу латинскому и совсѣмъ замѣнялись латинскими, восточные обряды уступали мѣсто западнымъ, истреблялись памятники въ славянскихъ странахъ, передѣлывалась исторія народа въ смыслѣ благопріятномъ для латинства. Политика папская по отношенію къ Россіи желала быть тѣмъ, чѣмъ была она на Западѣ; на Западѣ ее не любили, въ Россіи ненавидѣли. Если такимъ безцеремоннымъ образомъ латинская миссія дѣлала успѣхи на пути обращенія православныхъ къ латинству, то, съ другой стороны, самое латинство поселяло и воспитывало въ сердцахъ народа скрытую, но сильную вражду къ себѣ, — вражду, переходившую въ ненависть отъ поколѣнія къ поколѣнію и поддерживавшуюся новыми усиленными притязаніями латинства, вообще проникнутаго фанатизмомъ и чуждаго терпимости. Какихъ средствъ не употребляла латинская миссія, чтобы окатоличить западную Русь, Папы своимъ авторитетомъ освя-

---

[1]) Костомар., Истор. мон., 7, 343.

щали и позволяли незаконныя дѣйствія католическихъ правителей противъ православныхъ русскихъ, даже сами побуждали къ тому тѣхъ, кто могъ содѣйствовать имъ въ ихъ интересахъ, отлучать отъ своихъ мѣстъ [1]). На основаніи распоряженій и полномочій поборники и пособники латинства допускали большія злоупотребленія и притѣсненія православныхъ. Послѣдніе лишаемы были важныхъ правъ и преимуществъ гражданскихъ. Уже въ XIV в., въ эпоху присоединенія Червонной Руси къ Польшѣ, со времени Казиміра Великаго, русскіе неоднократно жаловались на стѣсненіе своихъ правъ и свободы въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Преслѣдованіе послѣднихъ было такъ велико, что даже польскіе историки, при всей своей приверженности къ католицизму, сознаются, что религіозные фанатики римскіе, стремясь къ стѣсненію православныхъ, оказали много стѣсненія русскимъ [2]). Чѣмъ упорнѣй было православное русское населеніе, тѣмъ сильнѣе преслѣдованіе. Притязательность латинской пропаганды становится болѣе замѣтной къ концу древняго періода нашей исторіи, т. е. къ концу XV ст. Пособники латинства дѣйствовали по преимуществу на юго-западныхъ окраинахъ Россіи, что объясняется политическимъ состояніемъ тогдашней Руси, той ея части, которая была въ зависимости отъ польско-литовскаго государства. Въ это именно время латинскіе пропагандисты дѣйствуютъ настойчивѣе и систематичнѣе самихъ папъ въ стремленіи подчинить себѣ Русскую Церковь [3]); они заявляютъ папамъ о своей ревности къ вѣрѣ и пользѣ присоединенія къ Риму Церкви Русской. „Если Евангельскій Пастырь,— пишетъ одинъ западный путешественникъ въ Россіи (путешествіе его относится къ началу XVI ст.), — коего вы, великій первосвященникъ, служите намѣстникомъ на землѣ, съ такимъ тщаніемъ искалъ одну изъ ста заблудшихъ овецъ своихъ и, нашедъ ее, съ такимъ восторгомъ и торжествомъ для всего неба принесъ на раменахъ своихъ обратно къ стаду, то какъ велики должны быть за-

---

[1]) Histor. Rus. monum. Turg. I, pag. 13, 82.

[2]) Ibid. 82.

[3]) Ист. р. цер. Мак., V, 338. Хр. Чт. 1855 г., I, 20.

боты и попеченія пастыря Церкви, когда не одна, а цѣлыя сотни заблудшихъ овецъ жаждутъ (sic!) присоединенія къ стаду Христову? Основываясь на этомъ мнѣніи, я не могу надивиться равнодушію, съ которымъ предшественники ваши оставляли (?) безъ всякаго доселѣ вниманія (sic!) Московію, страну многолюдную, различающуюся съ нами въ самыхъ маловажныхъ (?) догматахъ и безусловно преданную проклятію за отложеніе отъ Церкви, тѣмъ болѣе, что исполненіе сего требовало самыхъ незначительныхъ (sic!) усилій“ [1]). Все письмо (этого посла или путешественника Альбрехта Кампензе) направлено къ тому, чтобы папа позаботился о присоединеніи Россіи къ Римской Церкви. Послѣдователи латинства не исполняли данныхъ и формально-заключенныхъ условій съ русскими, если дѣло клонилось къ выгодѣ католичества и (чрезъ него) пользѣ въ политическихъ дѣлахъ. Для доказательства сего мы приведемъ отрывокъ изъ переписки князя Іоанна Васильевича III (1494 г.) съ своею дочерью Еленою, женою литовскаго князя Александра, по дѣламъ церковно-политическимъ. Переписка эта началась по поводу непріязненныхъ отношеній между московскимъ и литовскимъ князьями изъ-за пограничныхъ городовъ, непризнанія со стороны Александра за Іоанномъ титула „государя всея Руси“ и другихъ мелкихъ причинъ. Съ согласія и желанія мужа и пановъ-рады Елена въ этой перепискѣ фигурируетъ въ качествѣ посредницы между мужемъ и отцомъ, стараясь убѣдить послѣдняго сдѣлать нѣкоторыя уступки для того, чтобы состоялось примиреніе. Не вдаваясь въ объясненіе дѣйствительныхъ причинъ возникшей вражды и даже отрицая нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., принужденіе ея къ латинству, Елена сводитъ дѣло къ личнымъ отношеніямъ князей, а потому считаетъ примиреніе легкимъ, для чего требуется имѣть къ ней отеческія чувства любви и чести. Не такъ взглянулъ на дѣло Іоаннъ. „Ты, дочка,—писалъ онъ въ своей грамотѣ,—иное не по дѣлу къ намъ писала; тебѣ было не пригоже о томъ писать. А что писала къ намъ о томъ, будто тебѣ о вѣрѣ греческаго закона отъ твоего мужа посылка (понужденіе) никакова не было, ино и то, дочка,

---

[1]) Библіот. иностр. писат. о Россіи I. т. 7, 9—10.

намъ гораздо вѣдомо, что мужъ твой къ тебѣ о томъ не разъ посылалъ измѣнника греческому закона владыку смоленскаго, и бискупа виленскаго, и чернецовъ-бернардиновъ, чтобы ты приступила къ римскому закону. И мы, дочка, и напередъ того къ брату своему и зятю, а къ твоему мужу, о тебѣ, да и о всей Руси нѣсколько разъ наказывали, чтобы тебя да и всю Русь къ римскому закону не нудить. Ты, дочка, памятовала бы Бога, да и наше родство и наказъ, держала бы свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступала ни въ чемъ, ни Церкви бы римской, ни папѣ послушна ни въ чемъ не была, къ церкви римской не ходила, душою бы никому не наровила, мнѣ бы тѣмъ и себѣ, и всему нашему роду безчестія не чинила; ино что о томъ, по грѣхамъ станетъ, и намъ и всему нашему роду большое безчестіе закону греческому укоризна, и душѣ твоей погибель, и хотя бы тебѣ до крови за то пострадати, и ты бы пострадала, а того бы и не учинила, и била бы челомъ нашему зятю, а твоему мужу, чтобы тебя церковь Божію греческаго закона поставилъ у тебя на сѣняхъ и пановъ бы и паней далъ тебѣ греческаго закона, а панове и паньи у тебя римскаго закона, тѣхъ бы отъ тебя отвелъ". Отсюда видно, что сосѣди русскихъ—католики, вопреки заключеннымъ условіямъ, стѣсняли религіозную совѣсть даже привилегированныхъ особъ православнаго вѣроисповѣданія. Что же дѣлалось съ простымъ безотвѣтнымъ населеніемъ? Изъ приведеннаго отрывка и другихъ одновременныхъ свидѣтельствъ видно участіе въ этомъ дѣлѣ латинскаго духовенства.

Что могла противопоставить Русская Церковь сильнымъ притязаніямъ и притѣсненіямъ латинской пропаганды и политики? Затаенная, скрытая вражда къ латинству не могла не образоваться у православныхъ, когда послѣдніе видѣли, что литовскіе язычники и татары уважали православную вѣру, относились къ нимъ лучше, чѣмъ латиняне, хотя эти латиняне были христіане. Чувство ненависти къ латинству такъ было законно и естественно, что населеніе заподозрѣло бы Русскую Церковь, если бы представители ея, желая возвыситься до христіанскаго идеала, стали побуждать населеніе къ всепрощающему смиренію и стоическому равнодушію.

Эти качества сами по себѣ имѣютъ значеніе, какъ признаки величія и благородства души, но въ данномъ случаѣ они не могли быть приложимы; приложеніе ихъ увеличило бы бѣдствія гонимаго латинствомъ населенія, дѣлая послѣднее пассивнымъ и жалко-страдальческимъ. Напротивъ, Церковь сама питала и раздѣляла по отношенію къ латинству тѣ же чувства, какими проникнуто было русское населеніе, страдавшее отъ „поганнаго латнства“.

Сношенія древне-русской Церкви съ римскою были рѣдки. Почииъ къ этимъ сношеніямъ, вообще, остается за Церковію римскою. На вызовъ послѣдней къ сношеніямъ, русская Церковь должна была, такимъ образомъ, волей-неволей отвѣчать. Отсюда объясняется случайность и натянутось въ бывшихъ сношеніяхъ. По мотивамъ и участію лицъ въ сношеніяхъ послѣднія можно назвать церковно-политическими. Попытки Римской Церкви къ сношенію и сближенію съ Церковію Русской начались и систематически продолжались съ возникновенія послѣдней, какъ Церкви, господствовавшей въ средѣ русскаго населенія. Попытки эти продолжались, несмотря на то, что Русская Церковь отвѣчала на нихъ неохотно, а иногда вовсе не отвѣчала [1]). Эти попытки были чаще и усилиннѣе, если представителямъ Русской Церкви случалось, посредственно или непосредственно, такъ или иначе отвѣчать. Памятниками этихъ попытокъ служатъ, между прочимъ, посланія папъ, отчасти адресованныя къ русскому народу и частнымъ русскимъ владѣтельнымъ лицамъ, отчасти къ тѣмъ, кто имѣлъ болѣе или менѣе близкую связь съ Русскою Церковію и, слѣдовательно, могъ, по сознанію папъ, такъ или иначе дѣйствовать въ пользу Рима. Отличительный характеръ этихъ посланій состоитъ въ томъ, что они мѣтко обрисовываютъ ихъ составителей—папъ; папы, по своему обыкновенію, адресуются къ Русской Церкви, какъ будто подчиненной, которой они покровительствуютъ и мило-

---

[1]) Histor. Rus. monum. Turg. I. XXXIII.

ствво снисходятъ; посланія проникнуты самоувѣренностью, притязательностью, желаніемъ и какъ бы правомъ властвовать тамъ, гдѣ совсѣмъ не просятъ и гдѣ они не имѣютъ никакого права. Напоминаніе о своей апостольской власти и право—наставлять и управлять всѣми въ мірѣ христіанскомъ повторяются почти въ каждомъ посланіи. Повелительный тонъ и однообразные пріемы составляютъ отличительную черту посланій. По духу, по выраженнымъ папами чувствамъ долга и любви къ вѣрующимъ, эти посланія напоминаютъ современныя намъ ватиканскія буллы и энциклики. Въ нѣкоторыхъ посланіяхъ искажаются факты не столько по ошибкѣ, сколько по благочестивому обману, для лучшаго достиженія своихъ цѣлей [1]).

Принятіе св. Владиміромъ христіанства отъ грековъ, а не отъ Рима, было важнымъ историческимъ моментомъ, имѣло большое значеніе какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Придавали значеніе этому событію папы, силившіеся представить свою вѣру въ лучшемъ видѣ, а греческую—какъ схизму... Отношенія Русской Церкви къ латинству начались очень рано, ранѣе княженія Владиміра, какъ и самая Церковь существовала раньше его (Ольга, Аскольдъ и Диръ); начинавшейся Церкви не могли упустить изъ виду латинскіе миссіонеры, какъ дѣятельные и зоркіе; на ихъ стремленія намекаетъ и Владиміръ въ отвѣтѣ посламъ, предлагавшимъ и хвалившимъ свою вѣру (отцы наши сего не пріяли). Подъ отцами можно разумѣть предшественниковъ Владиміра—княгиню Ольгу, Игоря, Аскольда и Дира, при которыхъ, по всей вѣроятности, была латинская миссія. Нѣтъ основаній отрицать посольства, которое отправила Ольга-христіанка къ Оттону I Великому (959 г.), о чемъ единогласно говорятъ многіе иностранные лѣтописцы. Но это посольство посылаемо было не затѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, въ которыхъ Ольга не нуждалась, имѣя у себя духовныхъ лицъ изъ Греціи, а зачѣмъ-то другимъ [2]). Но Оттонъ I,

---

[1]) Histor. Rus. monum. Turg. I+LXXVIII.

[2]) Шлецер. III. 445—460; Истор. христіанства до Владиміра 312—316; жур. м. н. пр. 1843 Іюнь. Истор. рус. церкви. Е. Е. Голуб. I. 70—73; 79—80.

извѣстный своей ревностью къ распространенію христіанства (латинскаго) между славянами, пользуясь случаемъ посольства, рѣшилъ отправить къ русскимъ (960 г.) непрошеннаго епископа—сначала Либуція, а за смертію его Адельберта изъ братства св. Максима въ Тирѣ. Но, прибывши къ русскимъ (genti Rugorum), Адальбертъ не имѣлъ никакого усѣпха, посему и долженъ былъ возвратиться назадъ ни съ чѣмъ; на пути изъ Россіи нѣкоторые изъ его спутниковъ убиты, а самъ онъ едва спасся отъ опасности. По свидѣтельству Никоновой лѣтописи, къ Ярополку, въ 979 г., приходили послы отъ папы; хотя въ лѣтописи не говорится о цѣли посольства, но можно заключать, что цѣль состояла въ привлеченіи Ярополка къ католическому вѣроисповѣданію. Правда, нѣтъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о намѣреніи Ярополка оставить язычество и перейти къ христіанству, но о расположенности къ послѣднему можно дѣлать основательное предположеніе. Но посольство къ Ярополку не сопровождалось никакими послѣдствіями, о чемъ можно заключать на основаніи молчанія лѣтописи. Св. Владиміръ, далѣе, подъ отцами могъ разумѣть и соплеменниковъ своихъ, ближайшихъ къ Руси (южной) славянъ, къ которымъ онъ себя причислялъ, какъ князь одного изъ славянскихъ народовъ, относящихся враждебно къ латинско-нѣмецкой миссіи и не принявшихъ ея за ея прозелитизмъ и насиліе. Иностранные памятники, не говоря о ихъ пристрастіи, указываютъ на давность католической миссіи въ предѣлахъ возникавшей Руси; самое образованіе Руси, сопровождавшееся приливомъ однородныхъ элементовъ въ ея составѣ, вліяло на усиленіе движенія южныхъ и западныхъ славянъ въ мѣстности Россіи,—славянъ, у которыхъ отношенія къ латинско-нѣмецкой пропагандѣ начались гораздо ранѣе и обозначались въ смыслѣ нерасположенности и племенной вражды.

Итакъ, отвѣтъ Владиміра, которымъ опредѣлился характеръ отношеній Русской Церкви къ латинству, заставляетъ связывать древнѣйшую Русскую Церковь съ православными славянскими церквами въ ихъ отношеніи къ латинству, какъ церковно-политической доктринѣ, къ которой онѣ съ давнихъ

поръ чувствовали нерасположенность [1]). Съ самаго начала возникновенія Русской Церкви, Римская Церковь силилась войти въ ближайшее сношеніе съ Русью. Чѣмъ сильнѣе былъ успѣхъ грековъ въ Россіи, тѣмъ усиленнѣе было это стремленіе. Нужно думать, что послѣ неудачной попытки (988 г.) отклонить Владиміра отъ церковнаго союза съ греками, папа присылалъ къ нему новыя посольства. Но о цѣляхъ, какія имѣли папы, отправляя частыя посольства въ Россію, не можетъ быть сомнѣнія. Владиміръ твердо рѣшился войти въ ближайшій непосредственный союзъ съ греками, а не съ латинянами, а посему старанія папъ окончились любезностью, а не чѣмъ-либо существеннымъ; не имѣли успѣха сношенія, бывшія при его внукѣ Изяславѣ, какъ и сношенія позднѣйшія. Главныя и достовѣрныя сношенія были слѣдующія: 1) при кіевскомъ митрополитѣ Іоаннѣ II, въ 1080—1088 г.; 2) въ правленіе галицкаго князя Романа, въ 1204 г.; 3) при сынѣ его, Даніилѣ Романовичѣ, въ 1245 — 1247 г.; 4) въ княженіе Александра Невскаго, въ 1246 г.; 5) при королѣ шведскомъ Магнусѣ, предлагавшемъ въ 1347 г. новгородцамъ состязаться о вѣрѣ латинской и греческой, и 6) при митрополитѣ Исидорѣ, въ 1448 г. Всѣ сношенія, исключая одного (сношенія Изяслава Ярославича) были по вызову Римской Церкви. Русской Церкви приходилось отвѣчать на вызовы Рима. Въ теченіе всего древняго періода, продолжавшагося около 5 вѣковъ (XI—XV вв.), Русская Церковь держала себя уклончиво и замкнуто отъ Церкви Римской, вѣрная своему духу и данному св. Владиміромъ направленію въ этомъ отношеніи. Уступчивая политика Даніила Галицкаго (1245—1257 гг.) и соглашеніе митрополита Исидора (1438—1439 гг.) на подчиненіе Русской Церкви папѣ составляютъ нѣкоторое исключеніе въ направленіи Церкви. Но политика Даніила есть дѣло частной Церкви, вызвана необходимостью, дѣло не искреннее, не сопровождавшееся никакими замѣтными послѣдствіями. Еще менѣе важенъ, а потому не бросаетъ тѣни на Русскую Церковь поступокъ Исидора-грека, какъ поступокъ его чисто личный, совершившійся напере-

[1]) Полн. собр. рус. лѣт. 1862 г., IX, 3.

коръ желанію и намѣренію Русской Церкви и отвергнутый послѣднею, какъ несообразный и противный ея направленію по отношенію къ латинству. Центръ Русской Церкви — московскій сѣверъ, сильный и обезопеченный въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, оказался достаточно твердымъ и въ отношеніи церковномъ; московскій іерархическій центръ остался не только вѣренъ своему направленію въ отношеніяхъ къ латинскимъ притязаніямъ, но энергически отражалъ эти нападенія. Московскій князь Василій своею твердостью и отраженіемъ нападенія латинства искупилъ легкомысліе Изяслава и уступчивость Даніила—князей болѣе подвижнаго, чѣмъ сѣверъ, юга. По настоянію Церкви, Иванъ III даже не позволилъ римскому легату войти „съ крижемъ" въ Москву.

II.

Опроверженіе мнѣнія о католичествѣ древней Руси.

Послѣ всего того, что сказано о внѣшнихъ сношеніяхъ древне-Русской Церкви съ Римскою и взглядахъ первой на весь составъ послѣдней, страннымъ представляется то мнѣніе о Руси, по которому она будто была когда-то католическою. Католичество и вмѣстѣ съ нимъ единство древнѣйшей Русской Церкви съ Римскою продолжалось, по этому мнѣнію, до XII в., послѣ чего Русская Церковь сдѣлалась схизматическою, принявъ исключительно греческое вѣроисповѣданіе,— однако, успѣхи латинской пропаганды были на Руси и послѣ разрыва Русской Церкви съ Римскою. Главными дѣятелями латинской пропаганды на Руси, насадившими и прославившими въ ней католичество, признаются: 1) Бруно-Бонифацій (1007 г.) и 2) Яцекъ (Іакинѳъ = Hyacintus) Одровонжъ (около 1223 г.). Дѣятельность какъ того, такъ и другого сопровождалась, какъ утверждаютъ защитники и распространители мнѣнія о католичествѣ древней Руси, необычайными успѣхами и чудесами.

1) Мнимое латинство древней Россіи опровергается какъ отечественными, такъ и иностранными, историческими, пря-

мыми и косвенными, свидѣтельствами. Единство древней Русской Церкви съ греческою представляется въ нашихъ лѣтописяхъ такимъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что не только о господствѣ, но и самомъ существованіи на Руси латинства, какъ, чего-то постояннаго, организованнаго и самостоятельнаго, не можетъ быть и рѣчи. Правда, латинство стремилось къ водворенію въ Россіи, какъ въ ея окраинахъ, такъ и центрѣ; правда, въ теченіе X—XI вв. оно дѣлало попытки къ взаимному сближенію съ Русскою Церковію, какъ это извѣстно изъ сношеній папъ съ великимъ княземъ Изяславомъ и митрополитомъ Іоанномъ, но стремленія латинства окончились, какъ извѣстно, неудачею. О неудачѣ латинства какъ во время Владиміра, такъ и впослѣдствіи, ясно говорятъ папскія посланія, прямо и косвенно касавшіяся Россіи. Достаточно прочесть нѣкоторыя изъ этихъ посланій, чтобы узнать, къ чему стремились папы и къ чему побуждали своихъ пособниковъ. Содержаніе этихъ посланій направлено къ подчиненію Русской Церкви верховной апостольской власти. Увѣщанія лицъ, къ которымъ были адресованы посланія, направлены съ этою именно цѣлью. Увѣщанія не имѣли бы смысла въ томъ случаѣ, если бы Русская Церковь была католическою въ то время, которому соотвѣтствуютъ относящіеся сюда документы [1]).

Папскія посланія имѣли бы другой характеръ, если бы Россія оставляла къ XIII в. латинство и принимала греческое вѣроисповѣданіе, какъ допускаетъ мнѣніе о католичествѣ Руси напоминанія; упреки за измѣну католичеству не только были бы естественны и умѣстны, но и необходимы, какъ въ современныхъ переходу Руси отъ латинства въ византійство историческихъ памятникахъ и особенно папскихъ посланіяхъ, такъ и въ послѣдующихъ, позднѣйшихъ: со стороны папъ такіе упреки неизбѣжны. Не то мы видимъ на дѣлѣ. Папскія посланія и буллы XIII — XIV вв. по своему содержанію и характеру не отличаются отъ посланій XI—XII вв. Спрашивается: ужели потеря Россіи прошла для папъ такимъ образомъ, что они не вспомнили объ отступничествѣ Россіи отъ

---

[1]) Hist. Rus. monum. Turg. I, № 2, 21.

католичества и переходѣ ея въ греческую (вѣру) „схизму"? Только въ посланіи къ великому князю Александру Невскому папа убѣждаетъ его къ подчиненію своей власти примѣромъ отца Невскаго, князя Ярослава Всеволодовича, который будто бы склонился къ латинству, но не успѣлъ открыто вступить въ Римскую Церковь по случаю внезапной его смерти [1]); но этотъ фактъ, во-первыхъ, недоказанъ: о немъ не только не упоминаютъ русскія свидѣтельства, которыя игнорируются латинскими писателями-учеными, но не говоритъ о немъ и самъ Плано-Карпини, на котораго ссылается папа Иннокентій IV, какъ на источникъ и авторитетъ въ извѣстіи объ отцѣ Невскаго; во-вторыхъ, онъ касается внутренняго расположенія князя, а не дѣла, или рѣшительнаго поступка, тогда какъ между мыслію и дѣломъ можетъ лежать цѣлая бездна; въ-третьихъ, если и признавать за извѣстіемъ папы о князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ долю дѣйствительности, то и эта уступка послужитъ не въ пользу разсматриваемаго мнѣнія о католичествѣ Руси,—потому что, если папа вздумалъ дѣйствовать на твердаго въ вѣрѣ (греческой) князя Невскаго примѣромъ отца его, то папѣ всего лучше и цѣлесообразнѣе было бы указать на еще болѣе знаменитыхъ и древнѣйшихъ его родственниковъ, каковы Владиміръ св., Ярославъ и др., если-бы послѣдніе были въ единомысліи и единодушіи съ папами. Каково было отношеніе между первыми русскими князьями и папами, показываетъ извѣстный смыслъ отвѣта Владиміра латинскимъ посламъ: „отцы наши сего не пріяша". Если-бы дѣло было иначе, то перемѣна въ исповѣданіи отразилась-бы на тогдашней литературѣ и церковномъ устройствѣ. Св. Владиміръ и другіе латинствовавшіе князья не заслужили-бы той похвалы, какая воздавалась ему, особенно современнымъ и послѣдующимъ поколѣніями. Напротивъ: есть очень древнія полемическія сочиненія и лѣтописныя мѣста, направленныя противъ латинства, какъ чего-то чуждаго, существованіе чего было дѣломъ случайности, исключенія и обще-житейской необходимости, но отнюдь не господствовавшимъ фактомъ, или явленіемъ,—было тѣмъ, чего должны были отвращаться, какъ

[1]) Hist. Rus. monum. Turg. I.

скверпаго, ненормальнаго, окаяннаго [1]. Ни одинъ князь не порицается въ этихъ сочиненіяхъ за сочувствіе къ латинству, тогда какъ, напр., лѣтописцы не забываютъ сказать объ язычествѣ князя Владиміра [2]; отсутствіемъ какихъ бы то ни было упрековъ за латинство, или намековъ на мнимо-латинскій періодъ Русской Церкви отличаются какъ самыя раннѣйшія (современныя предполагаемому мнѣніемъ латинскому періоду Руси) полемическія сочиненія, такъ и сочиненія позднѣйшія, граничащія съ древнимъ періодомъ исторіи нашей Церкви. Подражательныя и самобытныя русскія сочиненія и посланія выставляютъ на видъ непрерывную и твердую вѣрность русской Церкви греко-восточному православію, какъ отличительную черту русской Церкви, какъ ея противоположность чуждому латинству. Если житейскія сношенія съ латинянами подвергались порицанію и запрещенію, то можно ли говорить о солидарности догматической и канонической у русскихъ съ католиками? В. В. Темный, за свой энергическій протестъ противъ латинства, уподобляется св. равноапостольному Владиміру, что рѣшительно не имѣло бы смысла при допущеніи латинства древнѣйшей Руси. Если великій князь Василій Темный чуждался и отвергъ латинство, то неблагосклоненъ къ латинству былъ и его предокъ Владиміръ, которому онъ представляется подражателемъ. Несмотря на это, защитники первоначальнаго католичества Россіи находятъ во многомъ слѣды латинства Русской Церкви. Такъ, они ссылаются на брачные союзы русскаго княжескаго рода съ иностранными католическими династіями. Но всѣ эти случаи, вмѣстѣ взятые, доказываютъ то, что русскіе князья, при заключеніи брачныхъ союзовъ, заключали ихъ по политическимъ видамъ, а не правиламъ Церкви, потому что изъ послѣдующаго времени извѣстно много случаевъ родства съ язычниками литовскими и половецкими [3]. Поэтому, многочисленность брачныхъ союзовъ русскихъ князей съ латинянами не есть доказательство сочувствія русской Церкви латинству. Такъ, князь Ярославъ

---

[1]) 1., Полн. соб. рус. лѣт. III. 113; VI 163—165.

[2]) 2., Полн. соб. рус. лѣт. IX. 69.

[3]) Полн. собр. р. лѣт. 9 т. 141.

Мудрый былъ женатъ на дочери короля шведскаго (Олава) Индигердѣ, которая на Руси сдѣлалась изъ латинянки православною, подъ именемъ Ирины, за что и называетъ ее благовѣрною м. Иларіонъ въ своемъ похвальномъ словѣ Владиміру [1]). Но, что всего важнѣе, необходимо при этомъ знать, *какъ смотрѣло на эти браки духовенство русское и латинское.* Дочь Ярослава I, вышедшая за короля Генриха Французскаго, прославилась французами и папою за то, что перемѣнила, по мнѣнію Карамзина, греческое вѣроисповѣданіе на латинское [2]). Что дѣло было такъ въ подобныхъ случаяхъ, рѣшаетъ это польскій историкъ Длугошъ, разсказывая о другомъ, но совершенно однородномъ случаѣ родства русскихъ съ латинянами. Марія, дочь Ярослава, выходя замужъ за польскаго короля Болеслава, должна была не только перемѣнить обряды греческой Церкви на латинскіе, но и принять латинское крещеніе [3]). По извѣстіямъ польскихъ историковъ, дочь Владиміра св., Марія (Доброгнѣва), вышедши замужъ за Казиміра Польскаго (1043 г.), приняла вѣру латинскую [4]). Если-бы вѣра русскихъ и поляковъ была одинакова, то упоминаніе о перемѣнѣ княжною вѣры представляется не только излишнимъ, но и безсмысленнымъ. Это никакимъ образомъ не говоритъ въ пользу единства русской Церкви съ латинскою. Не признавало, но отвергало единство, какъ несуществовавшее, не долженствовавшее быть, и русское духовенство. Митрополитъ Іоаннъ II прямо запрещаетъ русскимъ князьямъ вступать въ браки съ иновѣрными (посланіе послѣдняго къ черноризцу Іакову), а преподобный Ѳеодосій внушаетъ Изяславу не имѣть общенія съ латинянами. Изъ лѣтописей видна непріязнь, неуживчивость русскихъ съ латинянами (напр., поляками). Такъ, карая князя Святополка Окаяннаго, лѣтопись, согласно, представляетъ его погибшимъ въ предѣлахъ земли чужой ляшской,— въ землѣ, по мѣстному выраженію г. Буслаева, латинской. Пропасть въ чужбинѣ иновѣрной считалось въ древней

---

[1]) Приб. къ изд. Тв. Св. Отц. 1844 г., II. 277. Ист. г. Рос. 2. 34. Примѣч.
[2]) Истор. г. Росс. II. 37. пр. 42.
[3]) Христ. Чт. 1859 г. ч. I. 208.
[4]) 4., Ист. гос. Росс. II. 34.

Руси величайшимъ несчастіемъ, высшею карою. Извѣстно, что тотъ же препод. Ѳеодосій состязался съ латинянами и обратилъ въ греческую вѣру латинянина Шимона съ дружиною. Изъ посланія того-же Ѳеодосія можно вывести опроверженіе того, что будто русскіе святые были латинянами. Въ своемъ посланіи къ Изяславу онъ высказалъ мысль, что въ латинской вѣрѣ нельзя спастись. Такъ училъ препод. Ѳеодосій, предъ которымъ благоговѣла современная ему и отдаленнѣйшая Русь. Какъ на доказательство единенія русской Церкви съ римскою, указываютъ на то, что первая почитала у себя латинскихъ святыхъ, каковы: Олавъ, король Шведскій и св. Антоній римлянинъ. Перваго русская Церковь не признаетъ святымъ, даже не упоминаетъ о немъ, въ чемъ легче всего можно убѣдиться изъ отсутствія имени Олафа въ русскихъ святцахъ. Если его нашъ историкъ Карамзинъ называетъ святымъ, то не называетъ русскимъ, отчего и вышло недоразумѣніе у латинскихъ ученыхъ. То-же недоразумѣніе замѣтно относительно препод. Нестора Печерск. Достаточно нѣсколькихъ указаній изъ сочиненія Нестора, чтобы видѣть, какъ онъ смотрѣлъ на латинянъ. Въ разсказѣ о походѣ Аскольда и Дира на Царь-градъ Несторъ съ вѣрою передаетъ сказаніе о чудесномъ разсѣяніи лодокъ ихъ послѣ того, какъ царь съ патріархомъ Фотіемъ, всю ночь молившись въ церкви Влахернской Божіей Матери, омочилъ въ море ризу ея. Далъ-ли бы такое значеніе молитвѣ патр. Фотія Несторъ, если-бы былъ въ союзѣ съ римскою Церковію, гдѣ Фотій — проклятое и ненавистное лицо. Нерасположенностію къ латинству отличается и разсказъ лѣтописца объ обращеніи и крещеніи кн. Владиміра. Когда пришли къ Владиміру послы отъ латинянъ съ предложеніемъ своей вѣры, то Владиміръ отвѣчалъ: „идите опять: отцы наши не пріяша сего суть“. Совсѣмъ иначе, по разсказу лѣтописца, отнесся князь къ проповѣднику греческому, котораго выслушалъ и отпустилъ съ дарами. Въ похвалѣ греческаго богослуженія и неодобренія латинскаго, во всемъ вообще разсказѣ объ обращеніи Владиміра высказывается взглядъ лѣтописца на латинство, его симпатіи къ греческому вѣроисповѣданію и антипатія къ нѣмецкому; первое было выше, любезнѣе какъ для него самого,

такъ и для тѣхъ, кому онъ, сообразно съ преданіемъ, влагалъ въ уста отзывы о латинствѣ. Приведенное лѣтописцемъ исповѣданіе вѣры чуждо извѣстныхъ тогда уже прибавокъ латинскихъ и заканчивается предостереженіемъ беречься папежества, которое отпало отъ единства Церкви вселенской, сѣюще ученіе разно: ихъ (латинянъ) же блюстися ученія: они прощають грѣхи за дары, еже есть злѣе всего. Богъ да сохранитъ... отъ сего. Надобно предположить совершенное отсутствіе у лѣтописца чувства искренности, полное религіозное равнодушіе, лицемѣріе, чтобы, сознавая себя въ союзѣ съ римскою Церковію, вѣря въ папу, онъ позволилъ себѣ занести въ лѣтопись такой отзывъ о латинахъ. Несторъ не могъ иначе смотрѣть на латинянъ, какъ смотрѣлъ великій его наставникъ преп. Ѳеодосій, къ которому онъ чувствовалъ глубочайшее уваженіе: взгляды Ѳеодосія на латинянъ намъ уже извѣстны. Не только глубокое изученіе первональной лѣтописи, но и простой здравый смыслъ не даетъ никакого повода заподозрѣть автора ея въ сочувствіи къ латинству, не говоря уже о принадлежности къ послѣднему. Единственный фактъ, могущій остановить на себѣ нѣсколько и то лишь предубѣжденнаго, читателя первоначальной лѣтописи, касается разсказа Нестора о переводѣ книгъ священныхъ на славянскій языкъ. Нѣкоторые стали хулить славянскія книги, — „се же слышавъ папежъ римскій, похули тѣхъ, иже ропщутъ на книги славянскія, глаголя: да исполнится книжное слово, яко восхваляютъ Бога вси языцы... Вы же чада Божія послушайте ученія и не отрините наказанія церковнаго, якоже наказанъ Меѳодій учитель вашъ“ [1]). Этотъ фактъ, съ одной стороны, рекомендуетъ папу, показывая его власть надъ тѣми, кому онъ пригрозилъ, и его покровительство въ данномъ случаѣ славянской грамотѣ; съ другой — онъ обнаруживаетъ въ авторѣ лѣтописи безпристрастіе къ дѣйствію папы, хотя послѣднее было случайно и неискренне, а отнюдь не указана расположенность къ папству. Итакъ, въ высшей степени представляется страннымъ считать лѣтописца Нестора принадлежавшимъ къ римской Церкви. Такое же недоразумѣніе суще-

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., IX, 17.

ствуетъ и относительно преп. Антонія римлянина, отъ происхожденія котораго заключаютъ къ принадлежности его къ числу латинскихъ святыхъ. Изъ жизнеописанія преп. Антонія, написаннаго со словъ самого Антонія его ученикомъ [1]), извѣстно, что Антоній былъ, дѣйствительно, родомъ римлянинъ, но отъ благочестивыхъ, т. е. православныхъ родителей, которые не мало терпѣли преслѣдованій со стороны латинянъ, отдѣлившихся тогда отъ грековъ (Антоній прибылъ въ Россію въ началѣ XII в.) [2]), и сами чуждались ихъ, какъ отступниковъ отъ вѣры. Что дѣйствительно въ Римѣ могло тогда жить семейство греческаго вѣроисповѣданія и оставаться, несмотря на отдѣленіе Рима отъ Восточной Церкви, вѣрнымъ православію, это очень возможно, чтобы не сказать больше. Указанное нами мѣсто житія преп. Антонія потому больше всего и нужно признать достовѣрнымъ, что оно самымъ естественнымъ образомъ объясняетъ причину удаленія Антонія изъ Рима: тамъ его гнали, потому-то онъ и удалился изъ Рима въ Россію для безопасности, — въ Россію, какъ болѣе гостепріимную и православную, гдѣ преподобный пребысть въ пустыни, труждаяся и постяся, и моляся Богу,—возлюби Его всею душею своею, — за что и прославился, какъ русскій святой, хотя и былъ онъ латинскаго языка [3]). И Русская Церковь признаетъ Антонія римлянина святымъ своимъ, не справляясь о томъ, признаетъ его Римская Церковь святымъ или нѣтъ. Исторія намъ свидѣтельствуетъ, что не одинъ онъ былъ съ латинскаго запада между русскими святыми мужами. Такъ, Меркурій Смоленскій (1237 г.) былъ тоже римлянинъ; Прокопій Юродивый Устюжскій (1303 г.)—отъ латинскаго языка, отъ нѣмецкія земли, какъ сказано въ его житіи [4]). Такимъ образомъ, заключеніе латинскихъ писателей о почитаніи Русскою Церковію нѣкоторыхъ новѣйшихъ (т. е. послѣ раздѣленія церквей въ XI в.) латинскихъ святыхъ, — заключеніе, основанное на одномъ происхожденіи преп. Антонія и нѣкоторыхъ другихъ отъ латинскаго языка,

---

[1]) Прав. собесѣд. 1858 г.. I, 157—171.
[2]) Истор. р. ц. Мак., II, 95—96.
[3]) Прав. Собесѣд. 1858 г., 157—171.
[4]) Лѣт. р. лит., I, 81.

какъ римлянина, оказывается несостоятельнымъ. Несостоятельнымъ оказывается и заключенiе объ установленiи будто бы въ Русской Церкви праздника 9 мая въ честь св. Николая чудотворца по распоряженiю папы Урбана II. Мнѣнiе это, раздѣляемое и повторямое нѣкоторыми западными писателями-папистами, не подтверждено ни однимъ древне-историческимъ, иностраннымъ или отечественнымъ памятникомъ, ни однимъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ и обстоятельнымъ соображенiемъ. Желая, во что бы то ни стало, доказать свою мысль, защитники разсматриваемаго мнѣнiя, вмѣсто доказательствъ, которыхъ положительно нѣтъ, опираются, какъ кажется, на одновременномъ (и то относительно) установленiи въ Русской Церкви праздника св. Николая (это установленiе было между 1087 — 1140 гг.) съ перенесенiемъ мощей этого святителя изъ Миръ-Ликiйскихъ въ городъ Баръ (1087 г.)—единственный аргументъ (?), какой могутъ привести сторонники этого мнѣнiя (если только имѣютъ въ виду и этотъ, собственно говоря, слабый аргументъ, потому что они разсчитываютъ почему-то на голословное довѣрiе къ себѣ читателей). Не говоря уже о томъ, что одновременное совпаденiе событiй можетъ имѣть часто только послѣдовательную, а не причинную и зависимую связь, заключенiе защитниковъ первоначальнаго католичества Россiи идетъ въ разрѣзъ съ исторiей и упускаетъ изъ виду необходимыя условiя и обстоятельства русской церковной жизни XI в. Стоитъ вспомнить только взгляды на латинянъ русскихъ митрополитовъ XI — XII вв., чтобы убѣдиться не только въ недѣйствительности, но и невозможности зависимости Русской Церкви отъ Римской Церкви и ея главы—папы,—о каковой зависимости самоувѣренно утверждаютъ слишкомъ тенденцiозные ученые-announce паписты [1]). Не могла тогда Россiя слушаться папы потому, что и около этого времени и скоро послѣ установленiя праздника она обличала латинянъ въ отступленiи отъ православiя. Представители Русской Церкви убѣждаютъ своихъ князей не имѣть съ латинянами общенiя, вооружаются противъ брачныхъ союзовъ княжескаго рода съ латинянами-католиками. Можно ли предположить, чтобы греки,

---

[1]) Тр. Кiев. Дух. Акад. 1874 г., Дек., 572—582.

имѣвшіе тогда очень сильное значеніе въ Русской Церкви, допустили подчиниться тому, кого отлучила и анаѳематствовала Греко-восточная Церковь-мать Русской Церкви,—церкви, которая преимущественно на первыхъ порахъ старалась подражать своему образцу—церкви греческой. Указаніе защитниковъ латинства Руси на дѣйствительное отсутствіе въ Византіи праздника въ память перенесенія мощей св. Николая не говоритъ въ пользу сторонниковъ разсматриваемаго мнѣнія: если греческая церковь въ Византіи не имѣла побужденій къ установленію у себя праздника въ память барскаго событія, то она не имѣла также побужденій препятствовать установленію этого праздника Русскою Церковію. При установленіи этого праздника Русская Церковь могла руководиться своими собственными соображеніями, тѣми благочестивыми чувствованіями благоговѣнія къ св. Николаю, какія раздѣляли частныя Церкви греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Такъ какъ память св. Николая издавна чествовалась на Востокѣ, съ которымъ Русская Церковь находилась въ церковномъ единеніи и связи, то установленіе праздника въ честь святого этого въ Русской Церкви не противорѣчило такому чествованію, какъ не противорѣчило ему установленіе такого же праздника въ православной Апулійской Церкви. Церковь Русская, при установленіи праздника св. Николая, могла, въ лицѣ своихъ представителей, дѣйствовать независимо отъ внѣшнихъ вліяній цареградскаго ли то или, тѣмъ болѣе, римскаго. О подчиненіи послѣднему здѣсь не можетъ быть рѣчи даже и въ томъ случаѣ, если бы Церковь Русская получила свѣдѣнія о новомъ прославленіи святого въ Барѣ чрезъ сношенія съ Западомъ и дѣйствовала по примѣру его, или по соревнованію съ нимъ. Достаточно было знать русскимъ объ этомъ событіи, и они могли отнестись къ нему самостоятельно, установивъ этотъ праздникъ не изъ какого либо послушанія Риму, а по собственнымъ религіознымъ побужденіямъ, которымъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, не мѣшала проявляться Церковь Греческая. Въ установленіи этого праздника Русская Церковь, кромѣ общихъ съ восточными церквами побужденій, руководилась еще собственными: глубокое уваженіе къ св. угоднику, какъ могучему чудесному

благодѣтелю, столько извѣстному на Руси очень рано, усилилось вѣстями о чудесахъ св. Николая въ Кіевѣ, о чемъ говорятъ древне-русскіе памятники [1]). Вотъ почему могла Русская Церковь установить праздникъ въ память св. Николая, какъ она установила нѣсколько другихъ мѣстныхъ праздниковъ; какую долю вліянія имѣла въ этомъ случаѣ Римская Церковь, это остается рѣшительно недоказаннымъ, но даже и невозможнымъ, остается однимъ pium desiderium ученыхъ-папистовъ, на которое не стоило бы обращать и вниманія, если бы эти ученые не выводили неблаговидныхъ для русской исторіи и народнаго чувства слѣдствій, упрекая первую — въ скрытности, и второе—въ забвеніи своего когда-то мнимобывшаго тѣснаго церковно-политическаго единства съ общекатолическою жизнію.

2. Таково, въ сущности, мнѣніе о первоначальномъ латинствѣ древнѣйшей Руси. Не оставаясь общимъ, это мнѣніе представляетъ частные моменты въ исторіи мнимаго католичества Россіи,— моменты, когда латинскіе миссіонеры насаждали и прославляли римское ученіе. Успѣхи латинской миссіи въ Россіи олицетворены въ двухъ главныхъ разновременныхъ, но однохарактерныхъ проповѣдникахъ: а) Бруно-Бонифаціи и б) Гіацинтѣ, или Яцкѣ Одровонжѣ.

а) Бруно и Бонифацій одними признаются за одно лицо, другими-же за два. Больше основаній принимать мнѣніе первыхъ, чѣмъ вторыхъ. Тожество Бруно и Бонифація, признаваемое нѣкоторыми русскими учеными [2]), доказывается тѣмъ, что оба представляются родственниками императора Оттона III; оба представляются глубокими почитателями извѣстнаго Войцѣха - Адальберта, вдохновляющимися его миссіонерскими и аскетическими подвигами [3]); оба они объединялись еще однимъ писателемъ (Адемаромъ) XI в., у котораго (писателя) Бруно усвоиваются черты жизни, приписываемыя у Петра Даміани

---

1) Истор. рус. цер. Макар., II, 239 — 240. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1874 г. Декабрь.

2) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. 2 (Р. Бесѣд. 1856. I.).

3) Собственно говоря этотъ аргументъ слабъ, но онъ имѣетъ значеніе въ связи съ другими, увеличивая число вѣроятностей.

Бонифацію [1]). Различіе именъ не противорѣчитъ приведеннымъ соображеніямъ въ пользу тожества лицъ потому, что одно и то же лицо могло имѣть, какъ извѣстно, нѣсколько именъ. Какъ-бы то ни было, съ именемъ Бруно соединяется цѣлый рядъ подвиговъ и чудесъ, какими сопровождалась его миссія въ предѣлахъ Россіи. Разсказы объ успѣхахъ Бруно основываются на извѣстіяхъ, современныхъ ему и позднѣйшихъ. Къ первымъ принадлежитъ письмо Бруно къ императору Генриху II, писанное имъ на обратномъ пути изъ Россіи (въ 1007 г.), и свидѣтельство Дитмара, сверстника и соученика Бруно. Изъ этихъ двухъ извѣстій оказывается, что Бруно дѣйствительно былъ въ предѣлахъ Россіи и даже у русскаго князя-христіанина, но не въ этомъ состояла глявная цѣль проповѣдника; его цѣль была проповѣдь между печенѣгами. Ни о проповѣди, ни даже о намѣреніи проповѣдовать въ Руси нѣтъ и рѣчи въ этихъ извѣстіяхъ. Поэтому основанное на этихъ извѣстіяхъ сказаніе о Бруно-Бонифаціи, какъ Апостолѣ земли Русской, оказывается вымышленнымъ. Самое время, къ которому пріурочиваютъ миссію Бруно въ Россіи, полагая ее въ 20 л., не совпадаетъ съ числовыми представленными данными. По Дитмару, Бруно отправился къ папѣ за благословеніемъ идти на проповѣдь уже по смерти императора Оттона III (1002 г.), въ царствованіе Генриха II (1002—1024 г.), слѣд. не въ 985 г., а послѣ 1002 г., и потому, если-бы и прямо пошелъ изъ Рима на проповѣдь въ Россію, то не могъ бы проповѣдывать въ ней около 20 л. (какъ полагаютъ), умерши въ 1008 г. [2]). Эти разсказы о Бруно-Бонифаціи, какъ ближайшіе и современные Бруно, имѣютъ большее значеніе въ сравненіи съ извѣстіями о томъже проповѣдникѣ позднѣйшими, которыя должны основываться и сообразоваться съ первоначальными. Но вмѣсто этого, послѣдующія извѣстія о Бруно далеко уклонились отъ первоисточниковъ, составивъ цѣлую легенду объ апостольствѣ Бруно въ Россіи—легенду, по которой будто-бы Бруно пришелъ къ самому царю русскому Владиміру и началъ свою проповѣдь.

---

[1]) Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ и современныхъ латинскихъ писателей отожествляетъ имена Бруно и Бонифація въ одно.

[2]) Истор. р. ц. Макар. I. 239.

Такъ какъ Бруно ходилъ босымъ и одѣтымъ въ рубище, то царь подумалъ, что онъ хочетъ ремесломъ нищенства собрать богатство и обѣщалъ дать ему послѣднее, если Бруно откажется отъ своего ремесла. Но Бруно скоро переодѣлся въ свои свѣтлыя одежды. Выведенный этимъ изъ своего заблужденія, царь предложилъ ему пройти среди двухъ горящихъ костровъ съ условіемъ: если онъ останется невредимымъ, то царь съ народомъ повѣритъ его проповѣди; если же пламя коснется проповѣдника, то царь сожжетъ его совершенно. Бруно прошелъ среди костровъ невредимо. Царь и народъ крестились, однако, братъ царя умертвилъ Бруно-Бонифація, въ чемъ, впрочемъ, послѣ раскаялся и принялъ крещеніе [1]). Не говоря уже о томъ, что этотъ разсказъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частности, противорѣчитъ всѣмъ историческимъ извѣстіямъ о принятіи Владиміромъ христіанства, взглядамъ и отношеніямъ этого князя къ латинству, онъ долженъ быть заподозрѣнъ по самому источнику своего происхожденія, какъ разсказъ позднѣйшій, несогласный съ достовѣрными первоначальными извѣстіями о миссіи Бруно,—извѣстіями, ничего не говорящими въ пользу не только успѣха, но и самой миссіи въ центральной, княжеской Руси. Этого мало. Желаніе представить дѣло по своему удалило почитателей Бруно отъ смысла второстепенныхъ, самихъ по себѣ сомнительныхъ свѣдѣній о миссіи этого проповѣдника. Ссылка ихъ на Даміани, какъ описателя дѣяній Бруно-Бонифація въ житіи Ромуальда (основателя латинскаго ордена командуловъ), опровергается свидѣтельствомъ этого біографа, по которому Бруно не могъ явиться на проповѣдь русскимъ въ 986 г. и не могъ крестить русскаго царя въ 990 г.,—время, въ которое Бруно-Бонифацій подвизался на Западѣ и только приготовлялся на проповѣдь къ язычникамъ, и къ которому приспособляютъ успѣшную миссію проповѣдника на Руси. Даміани не называетъ русскаго царя, обращеннаго будто-бы Бонифаціемъ чудеснымъ образомъ въ латинство, ни Владиміромъ, ни какъ либо иначе. Слабость и ложность доводовъ тендеціозныхъ латинскихъ писателей обличили сами латинскіе монахи, за-

---

[1]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. 2. 36.

мѣтивъ, что это не могъ быть Владиміръ, крестившійся гораздо прежде, а былъ царь или князь, вѣроятно, какого-либо скиѳскаго или другого народа. Можно думать, что Бруно обратилъ (если только обратилъ) какого-либо князя изъ руссійцевъ, жившихъ по балтійскому прибережью въ странѣ, которая не рѣдко называлась Русью [1]), куда онъ и вступилъ проповѣдывать, какъ преемникъ и продолжатель начатаго Адальбертомъ миссіонерскаго дѣла [2]). Итакъ, Бруно-Бонифацій ложно называется апостоломъ земли Русской.

в) Несправедливо также называютъ апостоломъ русскимъ другого латинскаго миссіонера, подвизавшагося въ Россіи будто-бы гораздо позже Бруно-Бонифація. Миссіонеръ этотъ Гіацинтъ, или Яцекъ Одровонжъ.

Въ цѣлой повѣсти объ Яцкѣ представлены черты доминиканскаго латинскаго ордена, цѣль котораго состояла въ распространеніи римско-католическаго ученія среди схизматиковъ и невѣрныхъ. Этотъ орденъ сталъ извѣстенъ въ Польшѣ съ XIII в. Выраженіемъ духа и стремленій этого ордена представленъ Яцекъ, соединяющій въ своей личности и дѣятельности все то, что заслуживало тогда похвалу, удивленіе и подражаніе, и что было славою и гордостью ордена. Съ аскетизмомъ, какъ идеаломъ тогдашняго нравственнаго духовнаго совершенства, Яцекъ (по представленіи повѣсти о немъ) соединялъ неутомимую проповѣдническую и служебною дѣятельность. Обучая невѣдующихъ, исповѣдуя кающихся, помогая бѣднымъ, посѣщая больныхъ, утѣшая скорбящихъ и молясь за всѣхъ, Яцекъ являлся другомъ страждущаго человѣчества. Но главная его забота сосредоточивалась на тѣхъ, кто не принадлежалъ къ католичеству и въ обращеніи кого въ свое вѣроисповѣданіе онъ находилъ удовлетвореніе какъ своимъ собственнымъ потребностямъ, такъ и потребностямъ лихорадочной пропаганды Римской Церкви, думавшей во время и въ лицѣ Иннокентія III осуществить идею всеміpнаго господства папства. Удовлетворить Яцка могла не частная, не извѣстная и скромная миссія, но обширная, та, которая

[1]) Истор. р. ц. Мак. I. 241—243.
[2]) Ibidem.

соотвѣтствовала-бы его широкимъ замысламъ и неутолимой дѣятельности. Яцекъ, по описанію его біографовъ и панегиристовъ, сходился съ тѣмъ взглядомъ на проповѣдничество, по которому значеніе миссіонерскаго дѣла опредѣляется не столько прочностію и благотворностію христіанскихъ убѣжденій въ новообращенныхъ, сколько количествомъ послѣднихъ. Такимъ образомъ Русь была тогда (въ началѣ XIII в.) единственною страною, гдѣ могла развернуться и принести многій плодъ дѣятельность Яцка,—та Русь, за обращеніе которой въ католичество еще прежде обѣщалась слава, большая той, какой достигли Орфей и Амфіонъ. Начало русской миссіи Яцка относятъ ко второй четверти XIII в.—времени,—когда папы завязали усиленныя сношенія съ русскими князьями. Яцекъ, по сказанію его біографовъ, отправился въ Русь по порученію папы Григорія IX, въ качествѣ коммиссара, или даже легата апостольскаго сѣдалища, для насажденія католичества въ предѣлахъ Россіи. Здѣсь Яцекъ крестилъ великое множество невѣрныхъ и безчисленное множество схизматиковъ обратилъ въ нѣдра римской церкви,—словомъ, дѣломъ истреблялъ господствовавшее будто даже въ Кіевѣ язычество; успѣху его проповѣди помогалъ особенно даръ чудотворенія; такъ, Яцекъ ходилъ по водамъ, заставлялъ трепетать демоновъ, изгонялъ ихъ изъ истукановъ, которымъ язычники поклонялись какъ божеству, бесѣдовалъ съ небожителями, изцѣлялъ больныхъ, такъ что рѣдко кому давалась такая чудесная сила, послѣ апостоловъ, какъ пресловутому Яцку. Вообще миссіи Яцка въ Россіи приписываютъ много успѣха; почитатели Яцка выражаются, что во время папы Григорія (1227—1241 гг.) умножались на Руси латиняне, что орденъ Доминиканъ, руководимый ревностію Яцка, много способствовалъ къ насажденію на Руси католичества.

Если, въ самомъ дѣлѣ, такъ успѣшна была миссія Яцка въ Россіи, то она должна оставить по себѣ замѣтные слѣды у современниковъ, должна подтвердиться указаніями современныхъ Яцку извѣстій, русскихъ ли то, или иностранныхъ, на которыхъ можно было бы основывать и дѣлать выводы объ этой пресловутой миссіи. Правда, что Западная Русь съ XIII в. дѣйствительно казалась довольно удобнымъ попри-

щемъ для латинской пропаганды, въ которой могли принять участіе и дѣятели доминиканскаго ордена; правда, что дѣло пропаганды облегчалось здѣсь главнымъ образомъ политическимъ настроеніемъ края, вмѣшательствомъ венгерскихъ и польскихъ королей въ дѣла Галицкой Руси, въ бывшія изъ-за нея усобицы русскихъ князей, — вмѣшательствомъ, которое не разъ оканчивалось захватомъ областей и городовъ Галиціи королями-католиками, — правда, что Римъ, зорко слѣдившій тогда за политикою католическихъ государей и часто даже управлявшій ею, не упускалъ случая направить и политику покорныхъ ему венгерскихъ и польскихъ королей къ цѣлямъ латинской пропаганды въ Россіи, — правда, что миссія существовала въ предѣлахъ самаго Кіева [1]), но выводить изъ этихъ соображеній заключеніе о дѣйствительности успѣховъ латинской пропаганды какъ въ предѣлахъ Руси, такъ и ея центрѣ (политическомъ) — преждевременно и бездоказательно. Наши отечественныя, современныя доминиканской миссіи въ Россіи, извѣстія не даютъ намъ и намековъ для заключенія объ успѣхахъ латинства между русскими въ то время, какое совпадаетъ съ предполагаемою миссіею Яцка. Русскія извѣстія упоминаютъ только о притѣсненіи, какое терпѣло православіе въ Галиціи отъ венгерскаго и польскаго католическаго правительства, изъ чего можно заключать объ усиліи и насиліи латинства, откуда бы это насиліе ни происходило, отъ доминиканцевъ или отъ самихъ католическихъ правителей [2]). Эти усилія рѣзче выражаются въ частныхъ сношеніяхъ папъ съ русскими князьями, о чемъ извѣстно изъ обзора внѣшнихъ сношеній Русской Церкви съ Римскою; но эти усилія и насилія не даютъ основанія заключать объ успѣхахъ на Руси латинства въ лицѣ Яцка. Правда, молчаніе нашихъ лѣтописей о латинской миссіи въ Россіи (XIII в.) можно объяснить неполнотою ихъ разсказовъ о современныхъ событіяхъ, намѣренныхъ опущеніяхъ факта, бросающаго неблаговидную тѣнь на русскихъ, на ихъ неустойчивость въ вѣрѣ, завистью къ успѣхамъ и безъ того ненавистныхъ ла-

---

[1]) Hist. Rus. monum. Turg. I, 39.
[2]) Истор. рос. госуд., III, 190.

тинянъ; мы, поэтому, соблюдая осторожность, можемъ не дѣлать пока заключенія о недѣйствительности успѣховъ латинства (во второй четверти XIII в.) въ лицѣ Яцка на основаніи отсутствія русскихъ извѣстій объ этихъ успѣхахъ латинской миссіи. Но можно признать долю истины за дѣйствительностью успѣховъ миссіонерства Яцка въ Россіи въ томъ только случаѣ, если современныя этой миссіи иностранныя историческія извѣстія подтверждаютъ и доказываютъ то, чего въ нашихъ лѣтописяхъ, почему бы то ни было, нѣтъ. Описываемая слава Гіацинта, или Яцка, какъ чудеснаго проповѣдника въ землѣ Русской, должна оставить въ современныхъ ему или, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ нему западныхъ историческихъ памятникахъ или прямые или косвенныя указанія и свидѣтельства на его личность и его успѣшную дѣятельность въ Россіи. Но относящіяся къ латинской пропагандѣ въ предѣлахъ Россіи извѣстія ни однимъ намекомъ не указываютъ ни на личность Яцка, ни на успѣшную дѣятельность латинской миссіи; не находится извѣстій объ Яцкѣ въ посланіи папъ, которые болѣе чѣмъ кто либо были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, и если бы существовалъ въ дѣйствительности Яцекъ, то о немъ, какъ главномъ дѣятелѣ миссіи, долженъ былъ бы упомянуть хотя бы Григорій IX, во время котораго Яцекъ, по словамъ его почитателей, такъ много обратилъ русскихъ въ католичество. Странно и даже необъяснимо со стороны Григорія IX, что онъ не только не адресовалъ на имя Яцка ни одного изъ своихъ посланій, но и не упомянулъ объ Яцкѣ ни въ одномъ изъ нихъ, что было невозможно со стороны папы, если бы дѣйствительно такъ подвизался Яцекъ [1]). Относящіяся сюда католическія извѣстія не мало даютъ указаній на существованіе латинской пропаганды для обращенія пограничныхъ съ Ливоніей, Венгріею и Польшею русскихъ, но эти указанія свидѣтельствуютъ не объ успѣхахъ миссіи, но о ея неудачахъ и нерасположеніи къ ней русскаго населенія. Извѣстія о неудачахъ миссіи выражены въ смыслѣ жалобъ на людей (русскихъ), которые, будучи врагами католичества, совершаютъ многія безчинства, и, не зная пути Господня,

---

[1]) Histor. Rus. monum. I, №№ XXX, XXXVIII, XXXIX.

даже разоряютъ католическія церкви [1]). Есть булла Григорія IX (отъ 13 марта 1233 г.), въ которой папа уполномочиваетъ доминиканъ преслѣдовать апостольскою властію тѣхъ, кто дѣйствуетъ непріязненно противъ доминиканъ и другихъ проповѣдующихъ Евангелія въ Россіи [2]), изъ чего явствуетъ дѣйствительность существованія организованной доминиканской миссіи въ Россіи въ ту пору, къ какой пріурочивается дѣятельность Яцка его біографами. Но эти извѣстія доказываютъ лишь то, что миссія не только не имѣла тѣхъ громадныхъ успѣховъ, какіе рисуетъ повѣсть объ Яцкѣ, но сопровождалась протестомъ и сильнымъ нерасположеніемъ къ латинству со стороны русскихъ и твердостію ихъ къ православію. Правда, быть можетъ, булла папы указываетъ на частныя неудачи миссіи, но и изъ другихъ буллъ не видно, чтобы миссія дѣйствовала успѣшно. Успѣхомъ миссіи папа не хвалится, а только жалуется на тѣхъ, кто перемѣнялъ тогда польское латинство для русскаго православія. Нерасположеніе русскихъ къ латинству передается и нашими лѣтописцами. Это видно изъ поступковъ князей Романа и Даніила Галицкихъ, прогнавшихъ католиковъ изъ своихъ областей, послѣ сношеній съ папами. Исключительные и притомъ предполагаемые нами случаи принятія русскими того времени и края католичества, съ одной стороны, объясняются насиліемъ католиковъ, особенно, когда, подъ ихъ властію, находились русскіе,—съ другой — эти случаи, какъ исключительные и предполагаемые, не доказываютъ успѣховъ латинства въ Юго-Западной Руси, какъ переходы латинянъ въ православіе, о чемъ упоминаетъ вышеприведенное мѣсто одной буллы, не говорятъ еще объ успѣхахъ русскаго православія среди тогдашняго латинства. Существованіе римско-католической епархіи въ предѣлахъ Кіева относится ко времени гораздо позднѣйшему; основаніе ея полагаютъ въ половинѣ XIV в.,—другіе, какъ, напримѣръ, Самуилъ Бенкте въ 1433 г., а иные (Нарбутъ) въ 1471 г. [3]). Такъ, доминиканская миссія дѣйствовала неуспѣшно въ Юго-Западной Руси.

---

[1]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г., 2, 75.

[2]) Histor. Rus. monum. Turg. I, № XL.

[3]) Le Romaen Catholicisme en Russie, m. I, 289—300.

Еще менѣе могла она разсчитывать на успѣхъ на Кіевѣ, гдѣ православіе было тверже, какъ болѣе удаленное отъ притязаній латинской пропаганды, гдѣ политическія бури и усобицы князей менѣе вредно могли отзываться на православіи, чѣмъ какъ это было въ Юго-Западной, Галицкой Руси, среди борьбы разновѣрныхъ властителей. Надежды латинской миссіи въ Кіевѣ, какъ и самая дѣятельность ея, парализовались господствомъ здѣсь греческаго, или, точнѣе, Греко-русскаго православія, приверженностію къ нему князей и народа, дѣятельностію митрополитовъ русскихъ, особенно если они были изъ грековъ; происхожденіе ихъ не обѣщало ничего не только въ пользу успѣховъ латинства, но и самаго существованія здѣсь латинской миссіи. Уваженіе народа къ нѣкоторымъ, современнымъ латинской миссіи, представителямъ Русской Церкви (напр., митрополитъ Кириллъ) основывалось какъ на ихъ высоко-нравственной жизни, такъ и на преданности и ревности ихъ къ православію, проявлявшихся въ защитѣ послѣдняго отъ враждебныхъ вліяній. Преданность православію и отвращеніе отъ латинства обнаружились скоро сильнымъ протестомъ противъ притязаній доминиканской миссіи на успѣхъ въ Кіевѣ. Этотъ протестъ окончился изгнаніемъ доминиканъ изъ Кіева и запрещеніемъ возвращаться сюда. Протестъ былъ такъ силенъ, что изгнаніе коснулось не одныхъ только ревностныхъ проповѣдниковъ, но и прочихъ латинянъ кіевскихъ, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ, а, можетъ быть, даже и помогавшихъ доминиканамъ. Если бы былъ успѣхъ миссіи въ другихъ странахъ Россіи, то объ немъ должны бы остаться какія либо извѣстія, но ихъ нѣтъ. Не говоритъ о слѣдахъ этого успѣха и Плано-Карпини, хотя отъ него можно было бы ожидать извѣстій объ этомъ, такъ какъ путешествіе его очень близко къ доминиканской миссіи въ Россіи (доминиканская миссія была въ 30-хъ годахъ XIII столѣтія, а путешествіе Плано-Карпини относится къ 1246 г.) [1]. Послѣ этого естественно спросить: на чемъ основывается и чѣмъ вызвана эта пресловутая повѣсть объ успѣхахъ доминиканской миссіи въ Россіи? Въ виду несостоятельности преж-

---

[1]) Истор. гос. рос. III. 43—44.

нихъ, разобранныхъ нами, основаній почитатели Яцка, въ доказательство своихъ разсказовъ о немъ, ссылаются на позднѣйшія второстепенныя свидѣтельства объ Яцкѣ, изъ которыхъ самое раннее относится къ XIV в. По самому времени происхожденія оно возбуждаетъ недовѣріе къ себѣ. Этого мало. Объ этомъ свидѣтельствѣ въ настоящее время ученые высказываются въ томъ смыслѣ, что не только не доказана достовѣрность этого свидѣтельства, но и самое его существованіе. Поэтому, основываться на немъ никакъ нельзя, въ виду того, что оно не сообразуется съ свидѣтельствами достовѣрными и современными событію. Чѣмъ позднѣе свидѣтельство, тѣмъ болѣе вѣроятности, что могло оно отступить отъ точнаго смысла свидѣтельства болѣе ранняго, и тѣмъ болѣе оно подлежитъ сомнѣнію, спору и критикѣ. Таковы, по признанію ученыхъ, свидѣтельства объ Яцкѣ, относящіяся къ XVI в. и обставившія его миссіонерскую дѣятельность цѣлымъ рядомъ чудесныхъ картинъ и событій, умолчавши объ источникахъ, откуда заимствованы невѣроятные разсказы объ Яцкѣ. Первое изъ видныхъ чудесъ Яцка состояло въ переходѣ Яцка по по водѣ чрезъ Днѣпръ и переправѣ чрезъ него братьевъ-спутниковъ Яцка на его мантіи. Второе чудо состояло въ томъ, что Яцекъ выгналъ бѣса изъ священнаго дуба, который стоялъ на островѣ и которому кіевляне поклонялись и приносили жертвы, какъ мѣсту присутствія божества. Когда ужасный бѣсъ выскочилъ изъ повалившагося дуба (отъ удара Яцкомъ) и сталъ уходить по водѣ, тогда Яцекъ сталъ гонять бѣса по Днѣпру и билъ, пока прогналъ его отъ острова, не омочивъ при этимъ ногъ [1]). Третьимъ чудомъ Яцка было исцѣленіе (молитвою Яцка) отъ слѣпоты дочери кіевскаго князя Владиміра Рюриковича и исцѣленіе одной знатной кіевлянки Бессоаны чрезъ возложеніе на нее руки Яцка, слѣдствіемъ чего было обращеніе Владиміра Рюриковича, его семейства и Бессоаны въ латинство. Послѣдній разсказъ о чудѣ прямо противорѣчитъ взгляду и отношенію къ латинской пропагандѣ Владиміра, который, по словамъ Длугоша (защитника мнѣнія католичества Россіи), въ 1233 г. изгналъ доминиканъ изъ

[1]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. 2. 52—53; 453.

Кіева, боясь вреда отъ нихъ православію [1]). Бездоказательность и невѣроятность первыхъ двухъ разсказовъ о чудесахъ Яцка очевидны и вытекаютъ изъ предыдущихъ соображеній: если не доказано существованіе Яцка, то есть основаніе отвергать и все то, что съ нимъ тѣсно соединяется. Разсказы о чудесахъ Яцка раздѣляются не всѣми изъ почитателей пресловутой миссіи въ Россіи; умалчивается даже тѣми, кто былъ въ нихъ заинтересованъ. Такъ, папа Климентъ VIII въ изданной въ 1594 году буллѣ, по случаю канонизаціи Яцка, не упоминаетъ въ ней ни объ одномъ изъ кіевскихъ чудесъ, упомянуть о которыхъ папѣ было гораздо благовременнѣе и выгоднѣе для цѣлей новой пропаганды на Руси, чѣмъ о многихъ другихъ чудесахъ Яцка, исчисляемыхъ папою; видно, что папа мало придавалъ значенія тому источнику, откуда заимствованы разсказы о кіевскихъ чудесахъ Яцка; незнаніе папою этихъ чудесъ, которое трудно допустить, говоритъ, съ другой стороны, не въ пользу ихъ, какъ вымышленныхъ и малоизвѣстныхъ. Если бы дѣйствительно было что-либо выдающееся въ дѣятельности доминиканскихъ проповѣдниковъ въ Россіи, то не умолчали-бы о томъ наши лѣтописцы, вообще расположенные и даже пристрастные ко всему чудесному и знаменательному, какъ это весьма замѣтно при чтеніи нашихъ лѣтописей. Таковы свойства повѣсти объ успѣхахъ доминиканской миссіи на Руси въ лицѣ главнаго ея дѣятеля Гіацинта, или Яцка. При сопоставленіи этой повѣсти руководились желаніемъ представить успѣхи, или, собственно говоря, судьбу латинской миссіи въ Россіи въ иномъ, преувеличенномъ свѣтѣ, — черта, характеризующая

---

[1]) Тр. Кіевс. Дух. Акад. 1867 г. 2. 426. Въ примѣръ чудесности и дѣятельности Іоакинѳа приводятъ то, что будто онъ, вылѣчивши дочь кіевскаго князя Владиміра Рюриковича и возвративъ ей зрѣніе, пользовался особенною расположенностію князя; съ его дозволенія проповѣдывалъ латинскую вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и др. По выраженію Карамзина, это чистая сказка: во 1, Владиміръ не могъ дозволить Іоакинѳу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, такъ какъ эти города не зависѣли отъ него; во 2, странно и необъяснимо то, какимъ образомъ Владиміръ, изгнавшій Іоакинѳа послѣ изъ своихъ предѣловъ, могъ такъ жестоко поступить съ чудотворцемъ, облагодѣтельствовавшимъ его семейство? См. Ист. Гос. рос. III. 238 пр.

направленіе латинскаго миссіонерства и самого папства. Имѣя притязаніе видѣть свое господство во всемъ христіанскомъ мірѣ, но не видя его въ дѣйствительности, латинскіе миссіонеры и ученые, будучи вѣрными сынами пресловутаго папства, принуждены высказывать сомнительныя и даже невѣроятныя событія въ пользу такого притязанія. И все мнѣніе о такъ называемомъ католичествѣ древнѣйшій Руси происходитъ изъ того-же источника. Подобно тому, какъ нѣкоторые европейскіе государи любили возводить свой родъ къ императору Августу, а нѣкоторыя аристократическія фамиліи усиливались доказать свое происхожденіе отъ знаменитыхъ римскихъ фамилій,—и римско-католическое духовенство часто указывало въ разныхъ (мѣстахъ) странахъ начало и успѣхъ католичества въ такія времена, когда въ нихъ не могло еще быть и вопроса о католичествѣ. Несостоятельность и вымышленность мнѣнія о католичествѣ древнѣйшей Руси видна изъ положительнаго отсутствія какихъ-бы то ни было слѣдовъ самостоятельнаго и вліятельнаго существованія латинства въ церковно-общественной жизни древней Руси [1]). Древне-русская церковно-общественная жизнь относилась къ латинству съ предубѣжденіемъ и отчужденіемъ, какъ это отчасти можно видѣть изъ отсутствія житейскихъ отношеній древней Руси къ латинству, состоявшихъ въ нерасположенности и уклончивости. Считаемъ нужнымъ разрѣшить одинъ вопросъ, тѣсно связанный съ разобранной нами теоріей о католичествѣ древнѣйшей Руси и, повидимому, не вполнѣ согласующійся съ приведенными нами доказательствами въ опроверженіи указаннаго мнѣнія о католичествѣ Руси. Вопросъ этотъ возбуждается не открытіемъ какихъ-либо литературныхъ или историческихъ памятниковъ, которые-бы говорили въ пользу значенія латинства въ исторіи древнѣйшей Руси вообще, но существованіемъ слѣдовъ вліянія (мѣстнаго и кратковременнаго), какое оказывалъ латинскій западъ на древне-русское христіанское искусство въ сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ. Вліяніе это испытывали Кіевъ и Новгородъ, какъ средоточія сношеній съ Западомъ первый—на югѣ, второй на—сѣверѣ.

---

[1]) Полн. собр. р. лѣт. 8. 160—162.

Это вліяніе состояло въ вызовѣ иностранныхъ мастеровъ [1]) и допущеніи такихъ украшеній въ храмѣ, которыя не соотвѣтствовали съ господствовавшими древне-русскими взглядами на обрядовую сторону вѣры. Такъ, церковь Кіево-Печерская была сооружена и украшена мастерами греческими, но основная идея сооруженія, какъ художественная, такъ и религіозная, принадлежитъ заморскимъ варягамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ легенда о Шимонѣ. Вѣнецъ Христовъ и поясъ, принесенные Шимономъ изъ варяжской земли, были на распятіи, которое соорудилъ для себя отецъ этого варяга, Африканъ. Самымъ капитальнымъ памятникомъ иноземнаго вліянія въ Новгородѣ служатъ прекрасныя, такъ называемыя, корсунскія ворота, съ латинскими надписями, дѣланныя нѣмецкими мастерами XII в. Кромѣ своей древности и оригинальности, врата эти для насъ тѣмъ замѣчательны, что по своимъ изображеніямъ, въ числѣ которыхъ находятся изображенія католическихъ епископовъ и мастеровъ, не согласуются съ господствовавшими тогда мнѣніями о религіи и обрядахъ. На этихъ вратахъ находятся, между прочимъ, изображенія двухъ римскихъ священниковъ и епископовъ. Изображенный здѣсь епископъ прекрасный, стройный, мужчина необыкновеннаго роста; лицо показываетъ прелата среднихъ лѣтъ, безъ бороды, голова острижена. Одѣтъ онъ такъ, какъ и теперь еще одѣвается высшее католическое духовенство, т. е. на немъ длинный бѣлый стихарь съ широкими рукавами, сверхъ него сто́ла, а сверхъ сей далматика съ короткими широкими рукавами, украшенная золотою бахромою и ки́стями, изъ коихъ одна лежитъ на правой рукѣ. На груди, подъ самою шеею, видна мантія, образующая крестъ. Ноги обуты въ сандаліи, длинныя. Епископская шапка низка, раздѣлена на два трехъугольныхъ конца, чрезвычайно проста и нисколько не похожа на великолѣпныя шапки новой Церкви. Правую руку поднялъ онъ для благословенія и совершаетъ его по обычаю Западной церкви, другія принадлежности епископа тоже римскія. По обѣимъ сторонамъ епископа стоятъ по одному священнику, служащіе ему во время обѣдни, изъ которыхъ находящійся

[1]) Полн. соб. р. лѣт. III. 238.

по правую сторону держитъ предъ собой въ лѣвой рукѣ развернутый свитокъ и указываетъ на него указательнымъ пальцемъ правой руки; другой же въ правой рукѣ несетъ небольшой сосудъ, вѣроятно, съ мvромъ, или освященнымъ масломъ, а въ лѣвой посохъ, или можетъ быть, большую освященную свѣчу. Фигура епископа, по мнѣнію археолога Фр. Аделунга, не есть общее изображеніе католическаго архипастыря, но портретъ прелата, означеннаго въ надписи (латинской и русской): „Александръ епископъ" [1]. Какимъ образомъ, спрашивается, явились въ Софійскій соборъ эти врата съ чуждыми русской жизни украшеніями, съ изображеніемъ чуждыхъ костюмовъ, съ чуждыми пріемами въ представленіи священныхъ событій, даже съ латинскими надписями, тогда какъ въ XI и XII вв. уже слышались голоса благочестивыхъ русскихъ, лучшихъ людей, противъ латинскаго невѣрія, когда самое латинство называлось язычествомъ, а латиняне или католики — язычниками? Мнѣніе о католичествѣ Руси, ищущее доказательствъ въ свою пользу тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, не упуститъ изъ виду такого благопріятнаго случая, какъ католическія изображенія, находящіяся вмѣстѣ съ національною русскою святынею, дабы не поспѣшить вывести изъ сего преждевременныхъ и неосновательныхъ заключеній. Чтобы согласить православно-національныя русскія представленія съ кажущимся противорѣчіемъ, нужно принять слѣдующія соображенія: 1) такъ какъ можно считать доказаннымъ то, что врата корсунскія сдѣланы были въ Германіи, гдѣ процвѣтало литейное искусство (въ XII—XIII вв.), то попасть они въ Новгородъ могли какимъ либо случайнымъ образомъ, но отнюдь не по заказу, потому что русскіе считали бы непремѣннымъ условіемъ сдѣлать изображеніе не римскаго прелата, а своихъ отечественныхъ святыхъ, какіе въ то время (XI — XII вв.) уже были. 2) Принимая во вниманіе частыя столкновенія новгородцевъ съ сосѣдями католиками и побѣды надъ ними и торговыя сношенія съ ганзейскими городами, можно думать, что врата достались новгородцамъ завоевательнымъ или мирнымъ способомъ, какъ подарокъ. Такимъ

---

[1]) Корсун. врата. Москва, 1834. 21, 23—25.

образомъ, это художественное произведеніе могли почитать трофеемъ, напоминавшемъ о достопамятномъ времени, объ отличномъ военномъ подвигѣ, побѣдѣ надъ латиною, утверждая и не думая, чтобы оно (произведеніе) было предметомъ религіознаго почитанія; могло, съ другой стороны, служить памятникомъ добрыхъ сношеній Новгорода съ Ганзою. Слѣдовательно, это обстоятельство устраняло соблазнъ, могшій произойти отъ помѣщенія въ храмѣ иноземныхъ произведеній. 3) Художественная сторона произведенія (для оцѣнки котораго у русскихъ того времени хватало смысла) могла побудить лучшихъ жителей Новгорода хранить эти врата, какъ драгоцѣнность, и даже помѣстить ихъ на почетномъ мѣстѣ, при главномъ входѣ въ соборъ, такъ глубо ими уважаемый. 4) Есть основаніе думать, что Новгородъ въ средніе вѣка вообще менѣе другихъ русскихъ городовъ былъ непріязненъ по отношенію къ западной церкви. Отдаленность его отъ Греціи, раннія его сношенія съ другими городами, особенно съ ганзейскими, и торговля, какую онъ велъ съ иноземцами, должны были пріучить его къ нѣкоторымъ уступкамъ и большей терпимости относительно изображеній религіозныхъ предметовъ, въ сравненіи съ другими, болѣе отдаленными отъ Запада, единовѣрцами. Съ гражданскою свободой Новгородъ соединялъ особый отпечатокъ въ дѣлахъ церковныхъ. Но для толпы эти врата съ чуждыми изображеніями едва ли могли быть понятны. Въ противномъ случаѣ этотъ драгоцѣнный памятникъ искусства, по замѣчанію проф. Буслаева, можетъ быть, и не уцѣлѣлъ бы до нашихъ дней [1]). Съ другой стороны, удовлетворительное объясненіе въ существованіи корсунскихъ вратъ въ св. Софіи простой народъ могъ видѣть въ томъ, что происхожденіе этихъ вратъ и явленіе ихъ въ Новгородѣ покрыто было неизвѣстностію [2]), загадочностію и

---

[1]) Древ. р. лит. и искус. Ѳ. Буслаева 363.

[2]) Въ новгородской лѣтописи, подъ 1336 г. (Полн. собр. р. лѣт. III, 77) есть извѣстіе, что архіепископъ Василій „у Святой Софіи двери мѣдяны золочены устроилъ". Это мѣсто повторяетъ Татищевъ и прибавляетъ къ нему, безъ указанія источника, слѣдующее: „привезши изъ нѣмецъ, купи цѣною великою". Аделунгъ относитъ это къ корсунскимъ вратамъ, чего не позволяетъ сказать краткость и неопредѣленность приведеннаго мѣ-

таинственностію, которую онъ принимаетъ за чудесность, какъ нашелъ онъ удовлетворительное объясненіе (изъ житія преп. Антонія римлянина, Прав. Собесѣд. 1858 г., Іюнь) въ разсказѣ о томъ, что серебряная и золотая утварь церковная иностранной работы и съ латинскими надписями приплыли изъ Рима въ Новгородъ чудеснымъ образомъ и что самимъ преп. Антоніемъ были эти сокровища положены въ святительской ризницѣ на соблюденіе. Довѣріе такому объясненію совпадаетъ съ ненавистью къ латинянамъ, какъ это видно изъ житія Антонія: „и повелѣ архіепископъ Нифонтъ сіе житіе преподобнаго изложити и написати и въ церкви Божіей предати, на утвержденіе вѣрѣ христіанстѣй, и на спасеніе душамъ нашимъ, а римлянамъ, еже отступиша отъ православныя греческія вѣры, и приложишася въ латинскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну и на проклятіе“. Недоразумѣніе, могшее возникнуть при видѣ вратъ въ новгородскомъ святилищѣ, ослаблялось тѣмъ, что вообще въ храмахъ допускались изображенія библейскихъ животныхъ, преступныхъ грѣшниковъ и даже демоновъ. Итакъ, въ остаткахъ вліянія латинскаго искусства на русскую обрядовую внѣшность можно усматривать одну терпимость и то лишь къ тому, что напоминало латинство, а не къ самымъ латинянамъ, но никакъ не доказательство самостоятельнаго существованія.

Итакъ, мнѣніе о католичествѣ древней Россіи противорѣча дѣйствительному характеру отношеній нашей страны къ латинскому Западу, состоявшему въ уклончивости и нерасположенности, опровергается отсутствіемъ какихъ бы то ни было слѣдовъ самостоятельнаго существованія латинства въ древне-русскомъ обществѣ.

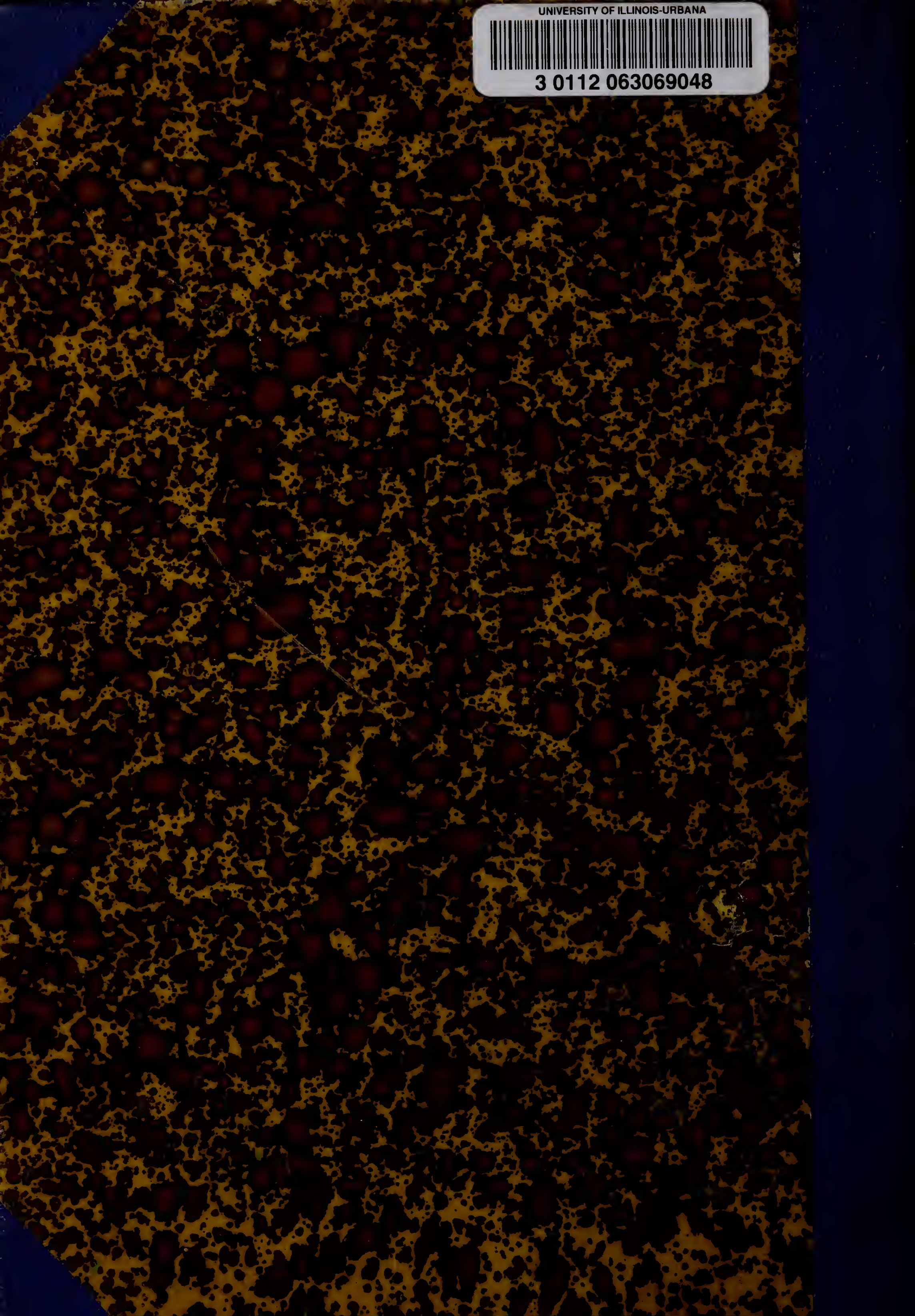
ста лѣтописи; прибавка Татищева, наполовину устраняющая эту неопредѣленность, возбуждаетъ сомнѣніе, какъ сдѣланная безъ указанія источника.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Краткая характеристика взглядовъ и отношеній древней России къ латинскому западу, или католичеству. . . . . . 1—20

II. Опроверженіе мнѣнія о католичествѣ древней Руси. . . . . 20—45

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 063069048